

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, — ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ТАМ, ГДЕ СМЕРТЬ
И КРОВЬ,
НЕ БЫВАЕТ
КРАСОТЫ

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Там, где смерть и кровь,
не бывает красоты
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»
Серия «Марго-София», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19271461
Соболева, Лариса. Там, где смерть и кровь, не бывает красоты :
[роман]: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-094858-1

Аннотация

На улице найдена почти раздетая девушка, не помнящая ни своего имени, ни недавних событий, ни того, почему она вся в крови. А вскоре у себя дома обнаружен убитым некто Усманов, отпечатки в квартире совпадают с отпечатками девушки, страдающей амнезией. Работник пресс-службы милиции София и ее друг Артем, только что получивший звание майора, пытаются разобраться в этом деле. Успешному расследованию мешают личные обстоятельства: София давно разлюбила мужа и теперь вынуждена подолгу выяснять отношения, а Артем устал от связи

с истеричкой Ликой, требующей, чтобы он всегда был только с ней...

Ранее книга издавалась под названием «Злодеи-чародеи»

Содержание

1	6
2	19
3	45
4	66
5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Лариса Соболева

Там, где смерть и кровь, не бывает красоты

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

1

Туман лег на улицы, значит, потеплело. Он клубился в полуметре от земли, а у самой поверхности ее слегка «дышал», шевелился, двигался, как живое существо, хотя его ничто не тревожило – погода стояла безветренная.

Из этого тумана, словно на листе белой фотобумаги, проявилась одинокая женская фигурка. Высоко привстав на пальцах, она осторожно ступала босыми ногами и, будто идя по топкому болоту, тщательно выбирала, на какой камень брусчатки наступить. Пряди темных волос упали на ее глаза и щеки, судя по всему, они ей не мешали, ни разу она не убрала их, не мотнула головой, чтобы откинуть их с лица.

Возможно, она была пьяна, а утренний туман оказался чересчур густым, потому она и перепутала городскую улицу с лесной заболоченной чащей, ведь только пьяному море по колено, а весенний промозглый холод не страшен. Снег стоял недавно, оголив землю, жаждущую тепла, как желали его люди, утомленные зимой. Тем более был странен ее наряд... Собственно, одежды на ней не было почти совсем. На теле ее болталась лишь комбинация-сетка, короткая, с тонким кружевом по краю, сквозь нее просвечивали крошечные трусики – разве это одежда?

Она, на вид почти девочка, тихо пела неизвестную мелодию, скорее всего, собственного сочинения, протяжную и ка-

кую-то неопределенную, – так могут напевать от горя, когда теряются в реальности, но и от счастья так тоже иногда поют, находясь в согласии с собой. Руки она подняла и перебирала пальцами в воздухе то ли в такт мелодии, то ли в такт своим шагам. Может, это и был своеобразный танец в ее представлении? Иногда она поворачивалась вокруг своей оси, обводя рассеянным взглядом сонную улицу. Чего или кого искала? В шесть часов утра, ранней весной, когда только-только рассвело, к тому же в глухом переулке, занавешенном туманом, ей никто не мог встретиться.

Внезапно она начала медленно заваливаться вбок, падать, ее тоненькие ножки попытались удержать тело, но оно все же перевесило. Посреди дороги она, упав, лежала на боку, словно бы отдыхала...

* * *

– Да что ты вцепилась в него обеими руками? – Артем попытался вырвать пистолет из рук Софии, но он словно прилип к ладоням. – Ничего себе хватка! В одну руку возьми!

– Тяжелый же! – заспорила она. – В кино стреляют, держа оружие обеими руками, это логично, так как пистолет не выпадет из рук при отдаче.

– Я сейчас умру от хохота, – мрачно сказал Артем. – Ты мне на слово поверь, что логичнее держать его в одной руке. Например, ты выглядываешь из-за угла или ползешь...

– Зачем мне ползти? Я пресс-служба!

– Не пререкайся, сдавать стрельбу тебе все равно придется. Ладно, пока держи двумя. – Стоя сзади, он поправлял ее руки. – Локти выпрями. В плечи, вернее в суставы, как бы упрись... Да зажми ты плечи! И спину. Погоди, нашлепки... – Он надел ей на голову наушники и крикнул: – Пли!

София зажмурилась, отвернула лицо в сторону, втянула голову в плечи и... выстрелила. Не слыша этого, она почувствовала, как Артем зашелся от хохота – его тело просто содрогалось в конвульсиях. Заметив обиженное выражение ее лица, Артем укротил свой смех, но замечание все же ей сделал:

– Вообще-то желательно смотреть, куда ты стреляешь.

– У меня такое ощущение, что пистолет взорвется прямо в моей руке.

– Привыкнешь. Смотри: стоишь прямо, вытягиваешь руку и...

Он сделал один за другим несколько выстрелов, после чего нажал на кнопку, и к ним на шнуре приплыла мишень, прибитая в центре.

– Ух ты! – присвистнула София. – Три десятки, две девятки... и восьмерка. А давай посмотрим, куда я попала?

– Не-а, не стоит, потому что ты никуда не попала.

– Ты плохо объясняешь, – спихнула она причину своей неудачи на него. – Ты кричишь, психуешь, у тебя нет педагогических...

Оба оглянулись на вход, ибо оттуда донесся до них возглас Вовчика:

– Вот вы где! Я бегаю, ищу их, а они в тире! Товарищ капитан, вас срочно требует к себе Денисович.

– А что это ты ко мне на «вы» и с паузами? – недоумевал Артем.

– Как?! – вытаращил Вовчик бесовские глаза. – Вы не в курсе? Докладываю: вы делаете головокружительную карьеру, вам присвоено внеочередное звание за заслуги перед Отечеством. Ну, что вылупился? – хохотнул Вовка. – Ты теперь майор, да!

– Иди ты!

– Артем, я тебя поздравляю! – обняла его София. – Ты это заслужил.

На миг оба замерли, будто раздумывая: можно ли эту новость считать поводом, чтобы поцеловаться по-настоящему? Про Вовчика они забыли, но он напомнил им о себе: поднял вверх руки и с ухмылкой повернулся к ним спиной – мол, целуйтесь, я ничего против не имею. Это как раз и остановило Софию с Артемом: нехотя они отошли друг от друга на безопасное расстояние.

– Ну, иди к начальству, – смущенно сказала София. – Мне Вовчик объяснит, как надо палить из этой штуки.

– Я? С удовольствием! – Володя встал позади Софии, прижал ее спину к своей груди одной рукой, второй взялся за ее кисть с пистолетом. – Значит, так...

– Не забывайся, – грубовато ударил его Артем ладонью в плечо.

– А что такое? – невинно захлопал Вовчик лживыми глазами. – Я честно и открыто ухлестываю за Софией, ты разве не знал? Ничего, что она замужем, мужа можно и отодвинуть, но муж-то ведь – не ты...

– Ой, слушай больше этого болтуна, – фыркнула София. Проследив за уходом Артема до самого выхода, она накинулась на Вовчика: – Не пойму, что это за намеки? Дразнишь его?

– Дразню. И тебя – тоже, и тем самым толкаю вас на решительные действия. Пусть народная молва станет обоснованной!

– Какая еще молва? – завелась София. – Мы не успели и подумать о чем-то... таком, а молва уже разнеслась!

– Думать поздно, молва вас уже свела, а я лишь помогаю вам открыть глаза на самих себя.

– Какой ты добрый! – язвительно произнесла она. – Все, я не буду больше стрелять, а то, чувствую, мне захочется перестрелять распространителей этой молвы. Главное, ничего не было и нет! Меня это просто злит.

Вовчик услужливо помог ей надеть пальто, спросив:

– Что именно тебя злит? То, что «не было и нет»? Ну, если наш большой смелый Артем трусливо поджигает хвост, бери-ка ты инициативу в свои руки.

София развернулась к Вовчику и поднесла к его носу ука-

зательный палец, угрожающе заявив:

– Прекрати! Иначе даром тебе это не пройдет, я выцарапаю твои бессовестные глаза и с корнями вырву эти наглые рыжие кудри. Лысым станешь! Вы все меня провоцируете!

У нее резко испортилось настроение, потому что... Да, именно поэтому: слух пошел, а оснований к нему нет. Лучше бы уж были!.. О чем она только думает – ай-ай! Замужняя женщина с семилетним «стажем» брака... Нет, скорее, не со стажем, а со сроком, ибо жизнь с Борькой можно сравнить с тюремным заключением без права выйти на свободу хоть когда-нибудь.

– Да к черту его, – буркнула себе под нос София, направляясь к месту своей работы.

– А? – чуть наклонился к ней Вовчик.

– Ты еще здесь? – огрызнулась она. – Отойди на десять метров, а то на меня заведут дело за растление несовершеннолетних.

– Мне уже двадцать пять! – распетушился Вовчик.

– Ах да, я забыла... Но выглядишь ты еле-еле на пятнадцать...

Вовчик надулся, но промолчал.

– София! – кто-то позвал ее уже в коридоре управы, она оглянулась, и к ним подбежала Инесса, дознаватель и очень видная из себя женщина, в смысле издалека видная. – Сонечка, поедешь со мной?

– Куда?

– В многопрофильную. Туда доставили одну девчонку со странностями, врачи позвонили в милицию. Думаю, тебе будет интересно на нее взглянуть и сделать впоследствии персонажем своего романа. Мне такой облом – ехать в одиночку...

– Поехали, – согласилась София. – А на чем?

– Ну, если мы кого-нибудь отловим возле управы и если они согласятся...

– Понятно. Ладно, такси возьмем. Гуд бай, Вовка.

Около управы девочки лихорадочно просканировали всю парковку: дескать, кто тут хочет без нас отъехать? Нашелся один автомобиль, уже выпускавший выхлопные газы. София предпочла бы поймать такси, но она не успела повторить свое предложение Инессе: та закричала, срываясь с места:

– Артем! Артем, стой!

– Ты с пожара или на пожар? – бросил он, когда она открыла дверцу и нагло, без спроса, плюхнулась на переднее сиденье.

Но это было не все.

– Соня! Иди сюда! Нас Артем отвезет, – скомандовала Инесса.

Пока София устраивалась на заднем сиденье, Артем, не желая выглядеть невежливым, все же возмутился:

– Инесса, по какому праву ты распоряжаешься? Я еду на убийство!

– Ну и что? – поправляя челку, пожала она плечами. – И

нас заодно завезешь в многопрофильную.

– Это же в другой стороне!

– Ну и что? – повторила она. – Ты ж на колесах, а наш город за какие-то полчаса можно объехать вдоль и поперек, так что все ты успеешь. И вообще, убитые уже никуда не убегут, а вот ты... Не заставишь же ты двух красивых женщин трястись в трамвае, а потом топтать пешком?

Красота – это было бесспорно. Если считать сто двадцать килограммов веса личным преимуществом, то Софии рядом с Инессой делать просто было нечего. Вон как просел автомобиль, когда Инесса водрузила свою «красоту» на сиденье, теперь ее уже нельзя было выгнать или вытолкать – силенок не хватило бы ни у кого. Артем сдал назад и поехал, куда ему Инесса велела, ворча:

– Инесса, тебя встретить – не к добру, весь день потом пойдет наперекосяк.

– Ой, Артем! – взвизгнула она. – Ты же майор! Такой молодой, а уже начинаешь! Дай-ка я тебя поцелую, родимый...

– Не надо! – дернулся он, чуть не проломив дверцу.

– Боишься? Ха-ха-ха! – зловеще, но все же шутливо расхохоталась Инесса. – Правильно. Я ведь колдунья, от меня потом непросто будет уйти!

Автомобиль остановился у больницы, и девочки выгрузились. Немного подождав, чтобы Инесса его не услышала, Артем окликнул Софию. Когда она вернулась и, открыв дверцу, заглянула внутрь, он торопливо проговорил:

- Часов в шесть вечера я за тобой заеду.
- И что тогда?
- Звездочки мои поедem обмывать, м-м?
- Угу, – улыбнулась она. – Пока.

Заведующий неврологическим отделением оказался человеком контактным, он не корчил из себя неприступное светило медицины и очень обрадовался девушкам из ментовки:

– Привезли ее с переохлаждением, в бессознательном состоянии, а потом к нам перевели, – рассказывал он им по пути в палату. – На мой взгляд, ее бы в «дурку» отвезти.

– Психованная? – осведомилась у него Инесса.

– Да черт ее знает, какая! Сами посмотрите. Есть одна подозрительная деталь: когда ее привезли, девушка была вся в крови. На ней самой – ни царапины, ни следов травм, ни кровоподтеков, значит, кровь – не ее.

– Одежду девушки вы куда девали?

– Одежду? Ну, если сеточка на бретельках и, пардон, трусики – это одежда, то мы все это сохранили, даже в пакетик положили.

– Хотите сказать, что ее нашли голой?!

– Именно это я и сказал: голой и босой, на улице.

– Угу – ограбление, – вывела Инесса. – Она-то что сама говорит?

– У нее сейчас сами и спросите. Не забудьте выяснить, как

ее зовут и где она живет, нам она ничего не сказала, поэтому мы вас вызвали. Прошу... – доктор открыл дверь.

В двухместной палате на одной из коек лежала хрупкая брюнетка в застиранном до безобразно-серого цвета халате. Она приподняла юное личико с заостренным подбородком и с любопытством уставилась на женщин и доктора, а может, с опаской. Инесса деловито взяла стул, поставила его у кровати, плюхнулась на сиденье и достала папку. Девчонка с интересом следила за ее приготовлениями, словно впервые в жизни видела подобные движения, эти предметы и вообще людей. Приготовившись записывать, Инесса улыбнулась ей – широко, сердечно – и уже хотела задать первый вопрос, но девчонка ее опередила:

– Почему вы кривляетесь? – выпалила она.

Инесса могла обломать кого угодно, но – не в этот раз. Видимо, ей хотелось произвести хорошее впечатление на симпатичного доктора, которому она строила глазки.

– Давай я стану задавать вопросы, а ты будешь отвечать? – предложила она.

– Не хочу, – отказалась девчонка, укладываясь обратно на кровать и устремляя взор в потолок.

– Как это – не хочешь? – В интонациях Инессы послышались грозные нотки. – Тебя нашли на улице, без документов, раздетой, всю в крови. Что же случилось? Куда ты шла, откуда? Где пробыла до утра?

Девчонка не отвечала, просто смотрела куда-то прямо пе-

ред собой, заложив руки под подушку. София поняла, что Инесса не сможет провести допрос: к сожалению, она попросту не понравилась девочке, совсем не умеющей деликатничать. Но это – издержки современного воспитания.

– Понимаешь, – сказала ей София, присев на край кровати, – у тебя наверняка есть родители, представь, как они волнуются! Если бы мы знали твою фамилию, нашли бы их, сообщили бы им о тебе, они приехали бы...

– Да, да, – тусклым голосом проговорила девочка, – я почти уверена – родители у меня есть... но я не помню!

– А как тебя зовут?

– Меня... не знаю... Я знала, но забыла.

– Что было вчера, ты помнишь?

– Вчера было... шумно, весело... и много дыма. Потом пришла ночь... очень холодная, и огни, огни... огни мелькали по бокам...

– Наверно, она ехала в автомобиле, – тихо пробубнила Инесса, записывая все это.

– Автомобиль... – произнесла девочка мечтательно. – Тепло, мягко... и качало... Спать хотелось. Потом свечи... много-много... На полках, на столах – повсюду свечи! И вдруг все погасло. Потом – я одна... а вокруг... снег или пар... Почему вы ко мне пристаёте?! Уходите!

Она свернулась калачиком, спрятав голову под одеяло. София жестом предложила врачу с Инессой выйти, а сама наклонилась к ней:

– Я навещу тебя. Что-нибудь тебе принести?

Из-под одеяла доносилось лишь слабое сопение. София вышла в коридор, где врач выдал ей диагноз:

– Амнезия. Или шизофрения. Или то и другое вместе. Или же она просто косит под дурочку, я не психиатр, а невролог...

– А разве это не одно и то же? – осведомилась Инесса.

– Нет! Короче, делайте с ней что хотите, только заберите ее отсюда.

– Издеваетесь? – Софию разочаровал этот врач, показавшийся ей вначале настоящим человеком. – Куда же нам ее забрать? В «обезьянник»?

– Куда хотите! Вы же видели, у нее не все дома, налицо скрытая агрессия. Вдруг она антисоциальна? Вам известно, на что способны неадекватные люди? У нас около сотни таких в отделении лежит, плюс медперсонал, и вы считаете, что мы должны ими всеми рисковать ради этой пигалицы? Почему она была вся в крови? Может, она убила кого-то? Может, она вообще зомбированная, запрограммированная на какие-либо дикие поступки?

– Кстати! – встрепелась София. – Где именно на ее теле обнаружили кровь?

– На ладонях, но она их явно обо что-то вытерла. На локтях и животе, на бедре... на правом бедре. На груди... Короче, эти пятна сфотографировал мобильником наш травматолог, идите к нему и прихватите с собой эту – без имени и

памяти!

София собралась уже нагругить доктору, но Инесса это сделала вместо нее, выступив вперед:

– Слушай, что это ты развыступался, будто палата – твоя собственность? Боишься за жизнь больных и за свою? Так запри ее! Зачем так орать на всю больницу? Девочка нуждается в медицинской помощи, и, пока мы не установим ее личность вкупе с диагнозом, не вздумай ее отсюда выставить, иначе в «обезьянник» залетишь ты сам за подобное равнодушие!

– Нет такой статьи, – огрызнулся побагровевший доктор.

– Найдем, – пообещала Инесса. – Кто ищет – тот всегда находит! Пошли, Соня, к травматологу!

Сто пудов – у Софии так здорово не получилось бы.

2

Квартира была трехкомнатная, повышенной комфортности, следовательно, очень просторная – хоть соревнования в ней устраивай. Артем обходил комнаты, по привычке внимательно осматривая место обитания убитого, ведь именно оно дает более или менее верное представление о проживающем здесь человеке.

Интерьер был, что называется, стильный и функциональный, продуманный мудрой головой. Кажется, ничего лишнего тут нет, и в то же время – множество предметов, в понимании обычных людей, именно лишних, к тому же дорогих. Например, вазы. Ваз было много – напольные, из прозрачного стекла – в форме бокалов, вытянутые и круглые, похожие на тарелки и бесформенные. Или другая комната, в которой эти декоративные детали, вазы, заменили свечи разной высоты – от двух сантиметров до тридцати, но ни одной тонкой среди них не было. И своеобразными картинами окружил себя убитый, может быть, они говорили о его высоком художественном вкусе, но лично Артему эти полотна напомнили «последний крик» душевнобольного художника перед совершением самоубийства. При всем при том порядок везде царил идеальный, нигде не было ни одной небрежно брошенной вещи.

Артем вернулся в спальню, где на коврик из натураль-

ной овчины у разобранной кровати лежал труп сорокалетнего мужчины. В такой необычной квартире и само убийство, по идее, должна была отличать чья-либо изощренная фантазия, а на деле мужчину убили весьма банально – полоснули его бритвой по горлу. Она лежала в уголке кровати. Собственно говоря, способов лишить жизни человека существует относительно немного, и все они известны.

– Артем, – Вовчик вошел в спальню с пакетом, в котором лежало полотенце. – Вот, в ванной нашли. Короче, убийца вытерся этим полотенцем и бросил его на пол.

– «Пальчики» есть? – осведомился Артем.

– Даже пятерни остались! Здесь поработала женщина.

Артем перевел взгляд на постель: м-да, кувыркались на ней с большой самоотдачей и страстью. Но кто сказал, что здесь была женщина? А если клиент с перерезанным горлом – гомосексуалист?

Криминалист Друбич сидел на корточках в коридоре. Артем присел возле него и, взглянув на стену у плинтуса, присвистнул: действительно, пятерни! Кровавые отпечатки. Такое везение – редкая вещь.

– Здесь она упала, – сказал криминалист. – Наверно, пьяная была. Отпечатки ладоней остались на полу и на стене... Видишь, она поднималась, держась за стену.

– Считаешь, это была «она»? Не «он»?

– Ну, мужчины с такими изящными ладошками практически не встречаются, даже при общей щуплой комплекции

мужская рука все равно крупнее и грубее.

– А если тут поработал подросток?

– На кухне Валентин протокол составляет, сходи к нему. Понятые говорят, что убитый был большим любителем женщин, связей своих не скрывал, он же одинокий. Но ни с мальчиками, ни с подростками-девочками его не засекали. Посмотри еще... – указал на стену Друбич. – Видишь, какой четкий пальчик? Между прочим, маленький, типично женский... Не знаю, кто его убил, но женщина на момент убийства здесь была, и она выпачкала руки в крови... А кстати, это как раз не должно бы нас удивлять – из горла кровь обычно хлещет фонтаном, может с ног до головы облить. Потом женщина решила уйти, вот она шла по коридору и, будто нарочно, везде оставляла отпечатки. Вот здесь она упала, затем поднялась и направилась в ванную, где вытерлась полотенцем, после чего покинула квартиру. Если мы найдем идентичные этим пальчикам отпечатки в картотеке, то, считай, дело закроют без следствия.

Софию кто-то толкнул в бок, вернув ее из смутных мечтаний в больничную действительность. Это была Инесса.

– Ой, простите, – София покраснела от собственной, как ей показалось, неловкости. Ее фантазии вертелись вокруг личности этой странной девочки, и, само собой, они унесли Софию куда-то далеко от реальности. – Я задумалась.

– А вам психиатр не нужен? – явно заигрывая с нею, спро-

сил врач. Очевидно, до этого между ним и Инессой шла речь об услугах психиатра по отношению к девочке без имени и памяти. – Могу вам помочь исключительно в индивидуальном порядке, я стажировался!

– Благодарю вас, – в тон ему ответила София, с недавних пор (примерно часа два назад) невзлюбившая докторов. – У меня есть личный психиатр.

– Есть, есть, – заверила Инесса. – С пистолетом за поясом и в звании майора, а уж здоровенный... жуть!

– Понял.

– Повторяю: нам срочно требуется анализ крови, ее и той, следы которой имелись на ее теле. Из анализов выжмите все, что только возможно: наркотики, психотропные там, алкоголь... Второе: обследование и диагноз...

– Она ж не у нас в отделении лежит...

– А какие проблемы? Вы просто передайте начальству наши требования. Девочку же к вам привезли, она – человек, а ваши отнекивания – это всего лишь слова. Лаборатория-то у вас есть, я думаю? До свидания. До скорого!

Случалось, до Софии смысл чьих-то речей доходил с опозданием, как произошло и в этот раз, поэтому только в конце коридора она приостановилась, готовясь выдать вслух гневную тираду по поводу «психиатра в звании майора и с пистолетом за поясом». И Инесса туда же! Все о ней знают больше, чем есть на самом деле! Но через секунду она передумала и промолчала, потому что оправдания – это же самое

убедительное доказательство вины.

– Ой, быстрее! – глянув в окно, заторопилась Инесса. – Тачки стоят под окном! Кстати, не вздумай когда-нибудь садиться за руль!

– Это почему же?

– Ты вечно о чем-то задумываешься! Ладно еще, если ты сама врежешься в столб и убьешься, а вдруг убийцей станешь? Собьешь человека, скажем...

– Зачем ты столько поручений надавала врачу? – перебила ее София.

– На всякий случай. Честно сказать, я не знаю, что нам с девчонкой делать. Потеря памяти – это не преступление, как и кровь на теле. Может, она наркотиками накачалась, стала свидетельницей чьей-то драки и так далее. Да, ты сфотографировала ее? – спохватилась Инесса.

– Конечно.

– По телику фотку покажем, авось ее мама с папой найдутся и поставят свою непутевую дочь в угол. Шевелись, а то там все тачки разберут...

София удостоилась высокой чести стать единственной женщиной в небольшой компании мужчин. Сие сборище почтило своим присутствием новоиспеченного майора и начальство в лице Кима Денисовича. Ким же и произнес первый тост:

– Многие десятилетиями ждут очередного звания, да так

и не дожидаются, а в редких случаях почести, «звезды» и должности падают на человека будто сами собой, начиная с ранней молодости, но мы-то знаем, что ничего не случается просто так! Твои «звезды», Артем, завоеваны тобой в прямом смысле слова. Раньше ходило такое выражение: «Служить, не щадя живота своего», и оно явно относится к тебе, Артем! К тому же звания нужно получать за заслуги, а не за выслугу лет. Надеюсь, такими темпами ты скоро дослужишься до генерала. Ну, пьем?

Рюмки мужчин и бокал Софии дружно зазвенели, выпили все до дна. Артем пил осторожно, чтобы не проглотить свои «звездочки», которые он бросил в рюмку «на счастье», – им место не в желудке, а на погонах. Затем все дружно заработали челюстями – проголодались зверски, ребята с места убийства напрямик в ресторан поехали, а Артем съездил за Софией и Денисовичем, и тот вскоре взял на себя и второй тост:

– К твоим «звездам» подарок один прилагается... Короче, готовься занять должность начальника уголовного розыска!

Если и были у Артема завистники – а они наверняка были, – то только не в этой компании. Ребята искренне обрадовались этой новости, потому что умный и толковый начальник – это залог спокойствия подчиненных и слаженная общая работа, поэтому Артема все принялись поздравлять даже более активно, чем за его «звездочки», хотя и несколько преждевременно. Но не весь же вечер поздравлять! А посту-

лат «ни слова о работе» не касается тех, кто не может расстаться и после работы. Денисович, закусывая, поинтересовался:

– Чем порадуете? Как обстоит дело с убитым?

– Не так уж безнадежно, – сказал Артем. – Убили его ночью...

– Часа в три ночи, – внес уточнение Друбич.

– Складной допотопной бритвой, убийца ее там же и оставил, – продолжил Артем. – Интересно то, что в ванной у него нашли две фирменные электробритвы, так что, скорее всего, убийца принес этот раритет с собой. Предположительно с убитым была женщина, правда, ее никто не видел, но все утверждают, что Усманов приводил домой исключительно женщин. Отпечатков там осталось – миллион!..

– Сплошняком кровавые пятерни, – дополнил Друбич. – Впечатление такое, словно она буквально вымачивала руки в его крови, чтобы везде оставить отпечатки.

– Она? Считаешь, что убийца – женщина? – осведомился Денисович.

– Ладони типично женские, – утвердительно кивнул Друбич.

– На них разве написано, кому они принадлежат?

– Не иронизируйте! Мы нашли еще один кровавый след: отпечаток босой ножки – женской, миллион даю! По всем признакам до момента убийства Усманов занимался с нею весьма энергичным сексом. Нашли его в спальне, возле кро-

вати, с которой он явно упал на пол, когда его чикнули по горлу. Кровать – натуральный полигон! – в непотребном виде, будто там толклось аж пять любовных пар, а не одна. Признаков, что в квартире был еще кто-либо, не обнаружено; в общем, Денисович, – опять шерше! Опять ля фам!

– Согласен, – поддержал криминалиста Артем, – искать нам предстоит женщину.

– Опросили всех соседей?

– Не всех, некоторых дома не было! Но у нас есть две телефонные трубки Усманова, так что на его друзей-приятелей мы скоро выйдем. По некоторым свидетельствам, он – глава некой фирмы, только пока никому не известно, что она собой представляет. Пойдем покурим?

Все поднялись из-за стола, остался один Вовчик, предложивший Софии:

– А мы с тобой как некурящие пойдем танцевать!

– Здесь никто не танцует, мы будем выглядеть как две белые вороны.

– Ты разве у нас косоглазая и хромая, почему ты так комплексуешь? Вставай, вставай! – Вовчик потянул ее за руку из-за стола и вытащил на «пяточок». – Пусть все на тебя посмотрят, увидят, как в тридцать два можно выглядеть на двадцать! Все эти жалкие люди не знают, что они сидят в одном зале с будущей великой писательницей!

– Ты не знаешь, проводятся ли где-то конкурсы на лучшего льстеца? – прищурилась София.

– Зачем это тебе?

– Тебе, а не мне. Ты получил бы Гран-при!

– О, о, бежит! – вытянув шею, вдруг хихикнул Вовчик. –

Щас он тебя у меня отнимет.

– Вовка, пойдика теперь ты покури, – оттеснил его подоспевший Артем.

– Не курю и другим не советую!

– Тогда сходи свежим воздухом подыши.

– Я ж говорил: отнимет! Ладно, пойду подышу...

С Вовкой двигаться в «заторможенном» ритме танца было проще и легче, потому что он все еще считался мальчишкой и ему с Софией не приписывали «преступную» связь. С Артемом все было по-другому: казалось, глаза всех посетителей буквально впивались в них обоих и наблюдали, что-то подмечали, запоминали... Глупость, конечно! Но это и был некий озноб перед прыжком в бездну, на который непросто отважиться, потому что Артем вовсе не звал туда. И в то же время звал: для этого ведь совсем не надо махать руками и кричать – достаточно на него посмотреть, постоять рядом, взять его за руку. А в том положении, когда «бессознательное» берет верх над сознанием, ты все это прекрасно понимаешь, но повернуть стрелку в противоположную сторону никак не можешь и, главное, не хочешь... Остается лишь надеяться, что ты не выкинешь какой-нибудь экстравагантности! Так думала София.

– А я тоже приготовила тебе подарок, – сказала София,

чтобы только не концентрироваться на биополе своего партнера, на его дыхании, его руках и их близости.

– Где же он? – безразличным тоном спросил Артем.

Иногда эдаким своим выпрненным равнодушием, никому не нужной показухой – мол, меня на земле ничто не удивляет и не радует – он страшно злил Софию. И напускной грубостью – тоже, и... просто так злил!

– У тебя в кабинете, – буркнула она ему в ответ. – На твоём столе.

– Я туда еще не заходил.

– Значит, завтра и увидишь...

И вдруг он прижал ее к себе крепче, чем следовало бы, а нос свой погрузил в ее волосы. Надо было как-то отреагировать, а как? «Бессознательное» победило: София обхватила Артема за шею – вот дура-то, вроде она сама ему сейчас навязывалась, даже нет – трактовка напрашивается однозначная: она повисла на нем!

– А зачем ты ездила с Инессой в больницу? – поинтересовался он. – Знаешь, не стоит с ней так сильно сближаться, она баба злая и завистливая.

– Ей было лень одной ехать, а меня она увлекла неординарным случаем. Девчонку какую-то нашли на улице без сознания, вызвали «неотложку», а потом врачи позвонили в милицию. Представляешь, она ничего не помнит, говорит как-то сумбурно, невнятно. И она абсолютно без одежды разгуливала в такой-то холод!

– Что значит без одежды?!

– В одной комбинации. Ай, забыла тебе сказать. Врачи почему в милицию-то позвонили: девочка была вся в крови, а ран на ее теле не обнаружили.

– Где ее нашли?! В каком месте?!

– Это все Инесса знает.

– Идем, все уже за стол вернулись, – вдруг сказал Артем.

...В таком состоянии она могла обратиться только к папе. София позвонила, он открыл дверь и поднял брови – ведь дочь не предупредила его о своем приезде, к тому же было уже поздно.

– Софи, ты ли это?

– Я, па! И я пьяная. Пусти меня, а?

– Ну, заходи, я тебе рад.

София сбросила сапожки, пальто и прямиком двинулась к любимому дивану. Утонула в его подушках, поджав ноги и натянув на колени юбку. Квартира ее папы – это Эдем, место полной релаксации и неги: здесь так уютно, царит дух старины...

– Где ты так набралась? – спросил папа, присев рядом с ней.

– В кабаке. Нашему сотруднику присвоили звание майора, он и поил нас. Па, принеси мне попить.

– Морс есть, клюквенный. Хочешь?

– Морс? Какие изыски... Твои «ухажерки» сварили?

– Купил в магазине. – Он ушел и быстро вернулся с упаковкой морса и со стаканом, налил напиток и подал стакан дочери. – Почему мы грустим?

– Па, можно я переночую у тебя? А Борьке ты скажешь, если он спросит, что я весь вечер у тебя проторчала... Представляешь, что будет, если я заявлюсь домой подшофе?

– Боишься его?! – изумился папа.

– Еще чего! Потрясений лишних не хочу и сотрясений воздуха тоже... У, это он звонит, сейчас я сама ему все скажу. – София потрясла сумку, оттуда выпал телефон и всяческие мелочи, без которых женщинам – просто не жизнь, и взяла трубку: – Боря, я у папы... Потому что батарея села, я недавно это обнаружила и зарядила... Боря, не делай проблем на пустом месте!.. Могу и не приходить! – И она отключила трубку.

– М-да! – Арсений Александрович, скрестив на груди руки, не смог сдержать улыбки. – Ваш дырявый семейный обоз, похоже, катится под гору?

– А мои знакомые думают, что у меня – надежный семейный корабль в лице Борьки, а лично он – незаслуженное мною счастье. Надоели все!

– У тебя кто-то появился?

– Если бы, – фыркнула София, отпила глоток морса и задумалась.

– Но ты хоть пишешь?

– Ищу тему, сюжет... Сегодня мелькнула одна идея...

– Ну что, что такое? Говори.

София рассказала ему о странной девочке без имени, одежды и памяти, и папа одобрил:

– Хороший «крючок» для полета фантазии. Ты же сочинитель – так сочиняй!

– Па, амнезия – давно избитая тема, каждый день по телевизору мелькает что-то такое, а мне хочется чего-то необычного, и реального, и нереального одновременно. Я же собираюсь писать про нашу бабушку Марго!

Арсений Александрович встал с дивана, подошел к стеклянному шкафу, где хранились добытые им в поездках реликвии, и уставился в его застекленные дверцы. Наверное, все эти обереги, амулеты, необработанные камни, изделия из бисера и фигурки из глины должны были подсказать ему какую-то идею, полезную для дочери.

– Необычного хочется? – повторил отец. – А если у нее не просто амнезия?

– Что ты имеешь в виду?

– В связи с твоим рассказом мне припомнилась одна моя поездка. Как-то все лето я провел с одним другом в экспедиции, искали мы полезные ископаемые. Забросили нас туда на вертолете. Казалось, в той глуши вообще никого нет, но люди там нашлись, они жили, сохраняя свои древние традиции. У них были тайные знания – нет, не технические, а знания о силах природы, о ее механизмах. Они творили чудеса...

Рассказчиком папа Софии был замечательным, и хмель

быстро выветрился из ее головы. София слушала отца, уточняя собственные смутные идеи и формируя из них единый замысел. Да, начать надо с мистики и ужасов – ух!..

И НАЧАЛО РОМАНА БУДЕТ ТАКИМ

«Евстафий Неонилович, которого Марго наняла для Анфисы, грезившей о карьере актрисы, значился в театре на должности суфлера, а ранее он был комиком. Первый актер-репетитор, хоть и в трагиках числился, без меры наглым оказался, к тому же был он безбожным пьяницей, докучал горничной своими приставаниями, и Марго пришлось выставить его вон. Этот же слегка чудаковатый, бойкий, маленький старичок с белыми волосами до плеч послушал Анфису, читавшую Байрона, и вынес свой вердикт:

– Ваша протеже весьма талантлива, полагаю, ее ждет большое будущее.

– Я с вами полностью согласна, – оживилась было Марго, но вдруг несколько замялась: – Она и поет прекрасно, наша гувернантка учит ее игре на рояле... Однако, Евстафий Неонилович, мне думается, что Анфисе больше подойдет амплуа трагической актрисы, а вы... вы – бывший комик... Сможете ли вы помочь ей раскрыть ее талант?

– Не извольте беспокоиться, я хоть и комический актер в прошлом, но показал дорогу к подмосткам немалому числу

талантов. Двум моим ученикам впоследствии предложили ангажемент в столице-с! – Суфлер поднял вверх указательный палец, высоко взметнув руку, при этом он вытаращил глаза как настоящий трагик во время исполнения предсмертного монолога главного героя пьесы. – Научить кого-либо нашему ремеслу способен всякий приличный артист, а каждый комик в душе является трагиком. Видели бы вы меня на сцене... – закатил он в упоении глаза. – Газеты писали, что я играл трагикомедию! Раскрывал саму суть образов героев!

Разумеется, он немного прихвастнул, но притом он был весьма трогателен. Марго доверила ему свою горничную, положив актеру жалованье – за каждый урок пять рублей. Затем она проверила, как идут занятия ее шестилетнего сына Митеньки с гувернанткой, а больше ей как-то нечем было заняться. От скуки она села за рояль, раскрыла ноты, взяла аккорд, сыграла пассаж, разминая пальцы, и... передумала музицировать. Для деятельной, энергичной Марго невыносимы были обязанности светской дамы и хозяйки дома – это же слишком просто, здесь не нужны ни ум, ни сообразительность. А вот недавно она решала одну сложнейшую задачу, правда, история Камелии принесла ей много огорчений и разочарований, но теперь и это осталось в прошлом, в настоящем же наступило гнетущее однообразие.

– А не навестить ли мне тетюшку с дядюшкой? – сказала вслух Марго, и, как всегда, когда едва у нее мелькала какая-то мысль, она подчинила себе – почти полностью – гра-

финю Ростовцеву.

Через несколько минут Марго уже глядела в окошко кареты, чуть покачиваясь в такт перестуку колес. О, весна, весна... Начинающееся цветение и все эти колдовские запахи пагубно сказывались на ее душевном состоянии. К ней подкрадывались некие желания, казавшиеся какими-то обманчиво-близкими, в душу ей проникали смутные мечты, заставляя ее забываться надолго. К счастью, с Марго никого больше не было в карете, иначе бы ее спросили: «О чем вы задумались, сударыня?» О чем! О *ней*, конечно, с которым они никогда-никогда...

Марго потрянула головой, чтобы не впасть в меланхолию окончательно и в результате не разреветься. Лучше подумать о тете и дяде, правда, у них ее не ждало особое веселье, а уж развлечения – тем более. Это были родственники ее мужа, и им сейчас ой как нелегко приходилось – недавно они похоронили свою младшую дочь. Очень странная история... А странность эта заключалась в том, что юная графиня ничем не болела, просто она вдруг слегла и за какие-то считанные дни... умерла! Доктора так и не сумели обнаружить причину ее внезапной смерти, видимо, они и сами не поняли, от какой такой хвори скончалась бедняжка.

У Ростовцевых вместо признаков глубокого траура и печали она застала чуть ли не настоящую бойню. Граф Алексей Борисович, красный, словно вареный рак, завидев Марго, кинулся к ней с негодующим видом, без приветствия,

что, собственно, вполне извиняло его ввиду неких возникших обстоятельств:

– Нет, ты только послушай, Маргарита! Послушай эту бесстыдную ложь! И кто лжет?! Наша старая Манефа! Которую мы так обласкали и, не нуждаясь более в ее услугах, держим с недавних пор в своем доме на правах почти что родственницы, не заставляя ее работать! – Он резко повернулся к няньке, оказавшейся поблизости: – Отвечай, мерзавка, ты в створе?!

Лицо старой няньки с тройным подбородком, обильно облитым слезами, сморщилось, и с просительно-страдальческой интонацией она проблеяла:

– Бог с тобой, батюшка! Рази ж я могу неблагодарностью черной заплатить за твои доброту и ласку? Я ить всех графчиков твоих нянчила, понапрасну ты меня оговариваешь...

– Молчать! – затрясся от гнева граф.

Не находя себе места, он носился по комнате от стены к стене, словно вихрь. А ведь граф Ростовцев всегда был весьма сдержан, как и все представители их породы, включая и мужа Марго. Эдак его удар хватит! Не понимая причин столь сильной ярости дяди, Марго взмолилась, поглядывая на вошедшую тетушку в траурном платье и с мокрыми глазами:

– Дядя, объясните мне толком, что у вас произошло?

– Нас обокрали! – взревел тот, взмахнув руками. – Пробрались в мой кабинет, открыли ключом ящик бюро и унесли тысячу рублей ассигнациями! И к сейфу тоже подбира-

лись, а там – фамильные драгоценности! Я это понял по открытому шкапу с книгами! Да вот не открыли-с! Не вышло-с!.. Но ты послушай, Маргарита, что такое несет наша Манефа! Она якобы видела вора! Ну! – подал он знак ладонью няньке. – Говори, говори. Я с удовольствием еще разок послушаю твою ересь!

Граф плюхнулся в кресло, закинул ногу на ногу и, постукивая ладонями о подлокотники, уставился в потолок, демонстрируя всем своим видом, что, мол, все, что доведется Марго сейчас услышать, есть лишь одна чистая ложь. Марго повернулась к няне, ободряюще кивнула ей, и та, порядком смущаясь и беспрестанно всхлипывая, поведала им такие «ужасы с кошмарами», от которых просто волосы дыбом вставали...

Манефу измучила бессонница: крутишься-крутишься, зевота одолевает, а сон нейдет, хоть ты лопни. Старуха села на постели, свесив вниз ноги, и вздохнула:

– Что ж это за напасть такая, прости господи?

Манефа взяла графин, хотела воды попить, а там – ни капли. Последнее время Манефу и жажда терзала, доктор сказал, мол, болезнь у нее какая-то сахарная, запретил ей кушать чай с вареньем и сладенькое. Дурак он, да и только: из-за сахара болезней не приключается! Нащупав босыми ногами тапочки, Манефа влезла в них, подкрутила поярче огонек в лампе, взяла ее в руки и засемила к двери.

Из людской она зашаркала на другую половину дома – в кухню, но тут вдруг откуда-то потянуло прохладой. Манефа поежилась. Оглядевшись, она увидела, что парадная дверь раскрыта, считай, настезь!

– Вышел кто, что ли? – недоумевающе проговорила она и направилась в ту сторону.

Она чувствовала себя здесь наполовину хозяйкой – ведь прожила в этом доме всю свою жизнь, как же ей теперь не проверить, кто еще из домашних бессонницей мается? Оно ж вдвоем и веселее за разговором-то ночные часы коротать.

Манефа подалась во двор. Никого... Тут и идти-то особо некуда, дорога уходит в сторону и ведет к воротам, перед парадным входом – лужайка с клумбой, за ней деревца растут, дальше – ограда, за особняком – конюшня и хозяйственные постройки. Фонари горят всю ночь напролет, во круг все видно, а никого и нету! Кто же дверь-то открыл? Манефа вдруг наступила на метлу и чуть не упала. Это еще что, господи?! Прокон у них и метет, и сторожит, но бросить вот так метлу на видном месте... это непорядок!

– Прокон! – позвала она сторожа. – Уж не воры ли к нам забрались? Прокон, подлая твоя душа, куда сбег?!

Тот не отозвался. Уснул небось, а завтра примется брехать, будто он всю ночь глаз не сомкнул! Подняв над головой лампу, Манефа побрела к конюшне – там же тепло, сторож-то наверняка на лавке дрыхнуть устроился. Но тут

она услышала чьи-то легкие шаги со стороны дома. Оглянуться ей короткая шея не позволила. Старуха затопталась на месте, разворачиваясь всей своей круглой кургузой фигурой к дому. Да, шаги звучали с той стороны... Манефа подумала было пойти навстречу этому неизвестному, как вдруг дыхание у нее перехватило, и она так и обмерла, вытаращив глаза.

А увидела она женскую фигуру, спускавшуюся по ступеням особняка. Появление этой фигуры и вызвало у нее такое потрясение. По ступенькам медленно сошла вниз... Элиза!!! Покойница!!! Девушка что-то держала в руках. Она прошла мимо своей старой няньки, будто той и не было на белом свете. На девушке было то самое платье, в котором ее в гроб положили, а плечи ее покрывало какое-то незнакомое пальто-ротонда. Понимая умом, что такого просто быть не может – Элиза ведь покоится в могиле, свидетелей ее смерти – великое множество народа! – потрясенная Манефа еле вымолвила онемевшим языком:

– Дитятко!..

Элиза даже не оглянулась, даже спинка ее стройная не дрогнула, не дала она никакого знака, что услышала свою няньку. Она проследовала к воротам и вышла на улицу. Старуха собственными глазами видела, как Элиза белой тенью плыла мимо ограды!

Опомнилась Манефа, когда покойницы уже и след простыл. Кинулась в дом, попробовала закричать, но отче-

го-то крик застрял у нее в горле. Старая нянька задыхалась, ее сердце билось все чаще и чаще, и наконец она упала без чувств. Ни разу в жизни она не падала в обмороки, а тут – грохнулась, заполучив себе синяки по всему телу...

– Рано утром меня прислуга в чувство привела и в комнату проводила, – закончила свой фантастический, совершенно невозможный рассказ Манефа. И добавила плаксиво: – А час тому назад Алексей Борисович обнаружили кражу-с!

Марго всего, чего угодно, ожидала, но вовсе уж не подобных сказок, потому у нее даже не нашлось слов, чтобы сделать свое заключение и как-то успокоить дядюшку с тетушкой.

– Ересь! – указал рукой на старуху возмущенный граф. И подскочил в кресле. И заходил по комнате. И затопал ногами. – Нет, Маргарита, ты слышала?! Играть на нашем горе – это жестокая подлость!..

– Батюшка! – бухнулась перед ним на колени несчастная Манефа. – Гневаешься ты понапрасну, невиновная я! Клянусь всеми святыми, Элизу я нашу видала! Вот те крест!

Тетушка Марго, Ирина Сергеевна, всхлипнула и поднесла к носу белоснежный платок, а граф, обессиленный, рухнул обратно в кресло и застонал.

– Погодите, дядя, – вмешалась Марго. – Не будьте так суровы к старой няне, служившей вам верой-правдой долгие годы.

– Неужели, Марго, ты веришь ее бредням? – поморщился граф.

– Отнюдь нет, – сказала она. – Тем не менее нет и причин ей не доверять.

Непонятно, каким образом старуха исхитрилась удариться лбом об пол, ведь она была такой неуклюжей и неповоротливой.

– Благодарю вас, ваше сиятельство, заступница вы наша!

– Встань, няня, и подойди ко мне, – приказала ей Марго.

Марго хотелось посмотреть в ее глаза, когда она начнет ее допрашивать. Нянька подошла к Марго, покрывшись испариной и побледнев, вероятно, чувствовала она себя неважно.

– Стало быть, ты утверждаешь, будто видела во дворе призрак Элизы?

– Призрак?! – неподдельно изумилась няня. – Да вовсе нет, ваше сиятельство, я не призрака видала, а саму Элизу! Вот как вас зрю в сей час!

– Допустим, – нехотя кивнула Марго. Она не представляла, с какой стороны ей подступиться к этому неординарному событию, но идеи к ней обычно приходили быстро. – Отчего же ты не подумала, что ночью в доме просто побывала похожая на Элизу девушка?

– Никак нет, похожей не было, – со всей ответственностью отрицательно качала головой Манефа. – Элиза прошла от меня в трех шагах, как же мне ее не распознать?! Я ж с лампой стояла, светила на нее, лапушку, а она на лампу... на

меня то есть... и не взглянула. Элиза то была, Элиза, а не другая какая-то девушка, Христом Богом клянусь! Нешто я не отличу мою лапушку?! – И она перекрестилась, окончательно озадачив Марго.

– Позволь тебе напомнить, что Элизу мы похоронили!

– Нешто я не знаю? – захлюпала носом Манефа. – Я ж от гроба не отходила, то ручку ей поправлю, то цветочки, то головку, а она... словно живая лежала... – Внезапно няня замерла, тупо уставившись в некую точку в пространстве. – А вчерась она из дому-то вышла... и как будто неживая...

– Как это – неживая?! – подхватила Марго.

Манефа лишь пожала плечами, не умея выразить словами свои смутные ощущения.

Но ведь пропала-то крупная сумма денег – даже и для призрака, хотя, по идее, «тот свет» не должны бы вообще волновать ни деньги, ни сейфы, ни чужие драгоценности! Этим стоило заняться всерьез. Марго наконец пришла в себя и, преисполнившись решимостью выяснить, что же на самом деле случилось прошлой ночью, обратилась к дяде:

– Дядюшка, вы разрешите мне допросить слуг?

– Изволь, – махнул тот рукой, безнадежно так махнул, явно не веря ни во что, кроме того, что его дурачат. – Кого тебе позвать первым?

– Няня упомянула о стороже, с него я и начну.

Дядя позвонил в колокольчик, отдал распоряжение пришедшему лакею, и вскоре в зимний сад (именно там прохо-

дил их совет – подальше от половины прислуги) вошел мрачный бородатый мужик. Он остановился у порога и мял свою шапку в руках, угрюмо потупившись.

– Подойди ближе, – приказала Марго. Сторож сделал шаг вперед и замер. Тогда она поднялась с места и сама павой подплыла к нему: – Скажи, почему ты ночью двор не сторожил?

– Ей-бо, стерег я! – живо сказал он.

– Как же стерег, когда тебя там и не было? Няня ночью встала, увидела открытую парадную дверь, позвала тебя, а ты...

– Я стерег, – упрямо повторил Прокоп, косясь из-под насупленных бровей то на хозяев, то на няньку, то на Марго.

– Ты, видно, места своего лишиться хочешь? Говори правду: где ты был?

Сторож переминался с ноги на ногу, низко опустив голову. Наконец, он дал весьма невразумительный ответ:

– Померещилось мне...

– Что именно? – участливо спросила Марго.

– Не-прав-до-по-доб-ство! – шепотом, по слогам, вымолвил он, безумно вытаращив круглые глаза.

– Расскажи, не бойся. Все расскажи!

– Не засмеете?

– Нет, слово даю.

– Я ходил все эдак кругом дома, – несмело начал сторож. – Ну, вывернул из-за угла, гляжу – а по дорожке к дому идет...

девица! Я и обомлел! Уж больно она на барышню нашу покойную похожа...

– Похожая или то была Элиза? – спросила Марго.

– Не могу знать, ваше сиятельство, однако похожая, как две капли водицы!

– И что же было дальше?

– Они-с ключами стали дверь открывать. Я крикнул: «Кто тама?» А Элиза Алексеевна посмотрели на меня... так страшно, аж душа ушла в пятки! Я кинулся бежать куды попало и заперся в сторожке. Испужался я, очень сильно испужался! Прошу простить меня, господа хорошие, ведь то была покойница, а как живехонькая! Ох!

Наступила долгая пауза, во время которой Марго изучала лицо и весь облик сторожа, стараясь понять, насколько он искренен. Она встала, прошлась туда-обратно задумчиво, вдруг резко обернулась и бросила Прокопу:

– Ступай! И ты, няня, иди к себе.

Слуги убрались прочь, и граф зло ударил ладонями по подлокотникам, прорезюмировав:

– Лгут! Оба! Потому что оба – в сговоре с ворами!

– Дядя, возможно, я ошибаюсь, – осторожно произнесла Марго, – но мне кажется, что сторож и нянька говорили... правду. Они изрядно напуганы...

– Правду?! – так и подлетел он, взорвавшись словно порох. Марго и его жена даже вздрогнули. – А правда, милостивая государыня, состоит в том, что нас подло обокрали!

Да-с! И кражу эту теперь списывают на нашу... покойную дочь! Словно мы – дураки полнейшие, в сказки такие дикие поверим! Это ли не наглость?!

– Алексис, – робко сказала Ирина Сергеевна, – не кричи так, слуги услышат.

– Пусть все и слышат! – разорвался граф. – Всех выгоню!!! Вон!!!

– Погодите горячиться, дядя, – вставила Марго. – Коль ваши слуги лгут и правда поступили с вами так подло, мы обязательно обо всем дознаемся, слово даю! Я тотчас еду к Зыбину Виссариону Фомичу, просить его о помощи...»

3

Отпечатав сводки на компьютере, София теперь писала то, что к утру сформировалось в ее воображении в начало романа, мысленно вознося себе похвалы. А кому из авторов не нравится собственное творение? Пусть еще не написанное, но оно же бурлит, кипит в голове и в сердце, значит, его обязательно надо написать! И это произойдет!

– София, ты просто идеальный объект для действий преступника – не видишь и не слышишь, что вокруг творится, – вдруг раздался над ее ухом знакомый голос.

София вытаращила глаза: когда это он вошел сюда? Не только вошел, но и уже сидит напротив нее, улыбается. Артем поставил на колени кейс, взяв его за бока, и сказал:

– Дороговат подарок!

– Для тебя мне ничего не жалко, ты же однажды спас мне жизнь, – шутливо сказала она. – Тебе не нравится?

– Нравится. Покажи фотографии, которые ты сделала в больнице.

София защелкала мышью, но монитор был допотопный, его нельзя развернуть, и она предложила Артему:

– Бери стул и подсаживайся ко мне. – Когда он присоединился к ней, она увеличила кадр. – Вот она!

– Совсем соплячка. Сколько ей лет?

– Этого она нам не сказала – не помнит. На вид девчонке

лет семнадцать. Но есть и еще фотографии, их мобильником сделал врач из травматологии, когда ее доставили в больницу, а мне их записали на флешку... Секундочку... Смотри: это ее ладони... Вот – пятна на одежде...

– В *этом* ее и нашли на улице?! – изумился Артем.

– Угу. Вот тут еще кровь, на животе...

– Достаточно. Поехали?

София едва не подскочила на месте:

– Куда?!

– В больницу, к этой потерявшей и память, и одежду де-
вице.

– Поеду, если ты обязуешься потом доставить меня в редакцию и на телевидение.

– Ты прямо как Инесса: сразу встречные условия выдвигаешь! Поскольку мне не жалко на тебя потратить ни бензин, ни свое время – ты ведь тоже спасла мне жизнь, – то я тебя доставлю. Опять интервью?

– Нет. Инесса просила на телеканале дать фото девочки, вдруг ее знакомые или родственники отыщутся?..

Он помог ей надеть пальто. София обмотала шею шелковым платком, перекинув длинный конец за плечо. Вспомнив что-то, она вернулась к компьютеру и записала на флешку подготовленные материалы для СМИ.

– Почему тебя так заинтересовала эта девочка? – спросила по дороге.

– Потому что вчера ты упомянула о следах крови на ее

теле. Откуда бы ей взяться, если только кто-то не пролил эту кровь в ее присутствии? А с утра я пообщался с Инессой, и она сказала, что нашли ее недалеко от того дома, где было совершено убийство.

– О боже! Думаешь, это она убила?!

– Не исключаю. – Артем набрал номер на трубке и поднес ее к уху: – Ефим Васильевич, я жду вас в многопрофильной, пожалуйста, сравните анализы.

Изменений в состоянии девочки не наблюдалось. Она напрыглась, когда в палату вошли мужчины, явно заподозрив что-то неладное. Забегала глазами по сторонам в поисках ладоней, но отсюда было не сбежать. Чуткая София присела на кровать, тронув ее за руку, по-доброму успокоила ее:

– Не бойся, тебе ничего плохого не сделают.

Это подействовало, но лишь отчасти – девочка все кусала губы. Бояться она не перестала, но, поглядев на Софию, на минуту-другую затихла. Доктор принес какие-то бумажки, и Ефим Васильевич вышел вместе с ним в коридор. Артем начал с вопроса:

– Тебя как зовут?

– Меня? – задумалась она. Похоже, девочка не играла. – Как-то зовут... Наверное, вы сами уже знаете?

– Мы-то как раз не знаем! А почему ты вышла на улицу раздетой?

Она почувствовала в его вопросе какой-то подвох. По-

глядела на Софию, та ободряюще ей кивнула и улыбнулась. Но девочку все равно явно беспокоило присутствие незнакомых людей. Она взглянула в дверной проем и увидела доктора, что-то доказывающего второму незнакомцу. Сглотнула и спросила:

– Когда я вышла... раздетой?

– Нашли тебя вчера утром, значит, и вышла ты откуда-то в таком виде тоже вчера утром. Раньше – вряд ли: ты замерзла бы до смерти, ночью температура опускается до нуля. Так почему ты вышла на улицу почти без одежды?

Девочка задумалась. Видно было, что она старательно вспоминает, и это давалось ей с большим трудом и напряжением. Наконец она неуверенно произнесла:

– Наверно... я испугалась...

– Испугалась? – подкупающе участливо спросил Артем. – Раз ты испугалась, значит, убежала от кого-то, так?

– Угу. – Но ответ ее получился каким-то неуверенным.

– Так чего или кого ты испугалась?

– Смерти...

– Чьей?

– Своей.

– Тебе кто-то угрожал?

– Думаю, нет... Просто мне стало страшно очень, а потом все прошло. Когда я убежала из ловушки, это прошло.

– Из какой ловушки?! Откуда ты убежала?

– М-м... не знаю. Но я была в ловушке!

Приоткрыв дверь, Ефим Васильевич Левин сделал Артему знак головой: мол, выйди. София вышла вместе с ним.

– Кровь на ней была, по всем показателям, Усманова. Но мы сделаем повторные анализы, чтобы уж на сто процентов быть в этом уверенными, – сказал Левин.

Внешне невыразительный, Левин, с его темно-коричневой кожей, скромный и молчаливый, опытный эксперт, не ошибался практически никогда, но он постоянно перестраховывался. Поэтому Артем, доставая наручники, заявил:

– Имеющихся процентов вполне достаточно. Забираем ее!

– А без наручников никак нельзя? – запротестовала София. – Она же еще ребенок!

– Этот ребенок, скорее всего, убийца, – возразил ей Левин.

– София, тебя бы она тоже не пожалела, – добавил Артем.

– В чем вы ее повезете, в какой одежде? – вступил в их разговор доктор. – Халат и рубашка – у нас на балансе! Вам остаются лишь тапочки, их забыл один наш больной.

– Ты называешь «балансом» дерьмо, что сейчас на ней? – хмыкнул Артем. – Спиши его!

– Куда вы ее определите?

– Сначала мы ее «пальчики» откатаем. Если это она их там оставила, в квартире убитого, то ей прямая дорога в СИЗО. – Артем забрал у доктора пакет с вещами, в которых к ним поступила девочка, и передал его Левину со словами: –

Вызывайте нашу «неотложку».

– А как же она будет сидеть вместе с преступниками? – не унимался доктор. – У нее явно не все дома, она плохо ориентируется, над ней же начнут издеваться ваши уголовницы.

Вот и пойми этих докторов: вчера он требовал забрать девочку, а сегодня горой встал на ее защиту!

– Извини, док, – сказал Артем, берясь за ручку двери, – но отдельные апартаменты там – это только карцер.

Он вошел в палату, быстро защелкнул наручники на запястьях девочки и, взяв ее за руку повыше локтя, заставил встать с кровати.

На обратном пути София молчала, отвернув лицо к окну. Разумеется, ее вовсе не интересовал скучный городской пейзаж.

– Ты на меня дуешься? – спросил Артем.

– У нее были такие глаза... как у загнанного зверька, – проямлила София, не испытывая особого желания разговаривать с ним. – Она же больна, неужели ты не видел?! Разве нельзя было какое-то время подержать ее в больнице, например, закрыв палату на замок?

– Если ее признают больной, то и отправят в изолятор, и ею займется судебный психиатр. Он все выяснит: косит ли она под амнезию или у нее действительно поехала крыша.

– Мне кажется, не косит. С ней что-то случилось.

– София, пойми, подозреваемых положено задерживать!

– Понимаю...

– Нет, ты не понимаешь и не принимаешь этого, я же вижу! А кто тебя предупреждал: милиция – не для таких, как ты? Не послушалась! Хорошо, чтобы ты не переживала, я тебе клянусь: если это не она оставила «пальцы», я обязуюсь доставить ее обратно в больницу. Даже порадуюсь, если все так и будет...

– Ты обрадуешься только в одном случае: когда уложишь убийцу на нары!..

Артем припарковался у здания редакции, предупредив Софию:

– Постарайся не задерживаться, ладно?

– То есть ты хочешь дождаться меня? – удивилась она.

– Хочу. Давай побыстрее.

– Я только закину сводки, – обрадовалась София, ведь это очень удобно, когда тебя повсюду возят.

Не прошло и пяти минут, как она вновь плюхнулась на сиденье, изрядно удивив Артема.

– Ого, ну и скорость. С тобой можно иметь дело! – заявил он.

– А ты до сих пор сомневался? Ты и на телевидение меня доставишь?

– Не сейчас. Кстати, дай-ка мне посмотреть то, что ты подготовила для телевидения.

– Интересно, как ты все это помотришь? Компьютера-то здесь нет, у меня все на флешке.

– В таком случае не отдавай это им пока. Сначала надо точно выяснить, она это или не она побывала в квартире Усманова, а уж потом подумать, стоит ли запускать так широко информацию о ней.

– Как скажешь.

Несмотря ни на что, Софии с Артемом было легко и просто. Между ними установились теплые отношения. Конечно, все это держалось не на одной их взаимной симпатии, а на чем-то большем. Желательно вообще в подобных ситуациях особо не вдаваться в суть – что именно лежит в основе теплых человеческих отношений, в противном случае жизнь многих людей станет невыносимой и как раз необъяснимой. Невыносимой потому, что избитое слово «люблю» – его же придется признать! – станет давить на мозги и все прочие части тела, и от этой определенности и в своем роде безвыходности все это может перерасти в элементарное взаимное ожесточение. А необъяснимой потому, что кто, как не Артем (в данном конкретном случае), должен проявлять инициативу? Почему же он ее не проявляет? Чувствует совсем не то же самое, что сама София? Неправда! Иначе никому не пришло бы в голову, что между ними жгучий роман. Тогда что его держит, что тормозит? Тот факт, что у нее есть муж? Или его пассия, на которой он, между прочим, не женат, чтобы не потонуть в терзаниях и муках совести?

«Я сейчас разревусь, – досадливо подумала София. – Хватит анализировать и углубляться в эти «почему»! Мои мозги

следует занять чем-то другим...»

НОВЫМ РОМАНОМ!

«Начальник следственных дел выпятил толстые губы, опустив уголки рта вниз, лохматые брови соединил в одну линию на лбу и смотрел из-под них на Марго в упор. Пожалуй, этого было достаточно, чтобы догадаться: Виссарион Фомич отнюдь не рад ее визиту. А ведь недавно она ему помогла, стала его тайной шпионкой в великосветском обществе! Однако про себя Марго лишь посмеивалась и, неплохо уже изучив повадки Зыбина, даже не подумала оскорбиться, зная наперед: все равно она переломит его. Виссарион Фомич проворчал – а ворчун он был известный:

– Что это вы, сударыня, спозаранку в наш участок пожаловали?

– Да уж полдень миновал, – возразила она, садясь напротив него и улыбаясь. – А привела меня к вам нужда: совет ваш нужен. Дело весьма серьезное, крайне необычное, поэтому я прошу вас выслушать меня.

– Я к вашим услугам, – недовольно проскрипел он, подперев пухлой ладонью обрюзгшую щеку и машинально помяв при этом ею свои ужасные бакенбарды.

Ему явно было неинтересно, с чем к нему пожаловала эта избалованная дамочка, это ясно читалось по его осоло-

вевающим глазам. Но по мере изложения ею всей истории он замер, почти перестал мигать, лишь изредка щурился, что означало: сей мистический рассказ изрядно заинтриговал Зыбина. А Марго опасалась, что он сразу оборвет ее, не дослушав эту нелепицу. Конечно, после изложенных ею событий пауза была вполне оправданна. Марго и сама пребывала в замешательстве, не зная, что ей думать по поводу гуляющей по ночам покойницы.

– М-да, презабавный случай-с, – наконец сказал Зыбин, откинувшись на спинку кресла, которое, между прочим, подарила ему Марго, – в старое он еле втискивался, так как был безмерно толст.

– Вы находите? – подхватила она, про себя радуясь его заинтересованности. – Вас не удивляет то, что призрак Элизы вдруг вышел из своей могилы?

– Когда б я в первый раз услышал нечто подобное, то, без сомнения, посмеялся бы и не поверил.

Марго уже вторично в течение сегодняшнего дня испытала потрясение:

– Вы хотите сказать, что Элиза еще кому-то являлась?!

– Не она-с. Под Рождество умер некий господин Загурский, помещик, предки его – выходцы из Польши – переселились в Россию в семнадцатом веке. Загурские обладали огромным состоянием, но за два с половиною минувших века подрастеряли свое богатство, из фамильных драгоценностей остался у них один сапфировый крест. Так вот, по слу-

хам, жена покойного утверждала, будто ее муж, Загурский, вышел из могилы и забрал свой крест!

– В это трудно поверить, – вырвалось у Марго излишне эмоционально.

– Так никто и не верит, жену Загурского почитают за умалишенную. Кстати, в ту ночь умерла его мать, удар хватил старуху, когда она будто бы увидела своего сына. А что слышно в салонах, ваше сиятельство? Может статься, у вас, в свете, обсуждали сии странности с покойниками?

– Нынче я не делаю визитов, у нас траур.

– Траур, угу, – покивал он. – Я желаю лично беседовать с вашими нянькой и сторожем.

– Так едемте, моя карета у порога!

Нянька повторила свой рассказ в точности, как и Прокоп, но, как это часто бывает, когда люди безмерно испугались, их истории обросли новыми мелкими подробностями, оттого они несколько удлинились.

– Ты сказал, – выставил вперед свой толстый указательный палец, похожий на обрубок, Зыбин, – что Элиза Алексеевна открывала парадную дверь ключами. Где же она их взяла?

Ключи! Конечно же! Такая важная деталь, а Марго ее пропустила! Если представить, что покойница сделала невозможное и вышла из могилы, то почему она не прошла сквозь стены, а воспользовалась ключами?

– Видно, с собой они их принесли, – ответил сторож. – Они-с, как только к двери подошли, тотчас вставили ключ в замок и повернули его, я слышал щелчок.

– Ваше сиятельство, – Зыбин с трудом повернул свой обширный корпус к графу, – скажите, ключи от парадного никогда не терялись?

– Незадолго до смерти Элизы они куда-то подевались, – сказал граф, – но у нас есть запасные. Когда мы хотели поменять замки, то внезапно ключи обнаружались.

– Где вы их обнаружили-с?

– Да там же, где они обычно и лежали. Какое это имеет значение?

– Никакого, – неожиданно растянул рот в улыбке Зыбин.

А Марго поняла, что ключами он заинтересовался не напрасно. По своему внешнему виду Зыбин поистине был отвратителен, словно толстая жаба с редкими бакенбардами, притом неучтив, а то и груб. Но он был чрезвычайно умен – большой знаток своего дела, она в этом убедилась не однажды в процессе расследования истории Камелии.

– Позвольте взглянуть на ваш кабинет, ваше сиятельство, – попросил Зыбин.

Слуг отпустили, и все дружно поднялись наверх, прошли насквозь анфиладу комнат, и, наконец, граф Ростовцев распахнул дубовую дверь:

– Прошу, господа.

Зыбин осмотрелся, одобрительно выпятив губу. В каби-

нете было на что поглазеть: один только фрегат, модель, выполненная искусным мастером, огромных размеров, приводила в восторг всех, кому ее показывали. И письменный прибор из яшмы тонкой работы привлекал внимание, не говоря уж о разного рода мелочах, которые с первого взгляда давали каждому понять: вещицы эти – весьма дорогие.

– В каком ящике вы, ваше сиятельство, хранили ассигнации? – приступил к делу Виссарион Фомич.

– Да вот в этом, – выдвинул граф ящик бюро.

– Он был заперт?

– Разумеется. Я всегда его запираю.

– А где ключ хранился?

– Идите-ка сюда. – Граф Ростовцев открыл иллюминатор в корпусе фрегата и достал оттуда небольшую связку ключей.

– Изобретательно, – оценил Зыбин, заглядывая внутрь парусника. Вдруг он поднял голову: – А кто из домашних знал, что вы храните ключи в каюте сего корабля?

– Графиня, дочь, сыновья, – перечислил Алексей Борисович. – Последние с нами не живут.

– Более никто не знал?

– Полагаю, нет.

Удовлетворенно крикнув, будто ему все-все стало ясно, Зыбин потребовал показать ему сейф. Алексей Борисович довольно легко отодвинул книжный шкаф, за ним, встроенный в стену, показался железный сейф.

– Как же сия конструкция открывается? – спросил Зыбин.

– Ключами, сударь. Двумя. – Предвидя следующие его вопросы, Алексей Борисович рассказал: – Ключи от сейфа я хранил там же, в каюте фрегата. Но вчера ко мне приходил стряпчий, и я доставал из сейфа документы. Потом я вернулся, чтобы положить их на место, да тут лакей прибыл с докладом: мол, приехал управляющий нашим именем. Я бросил ключи в карман шлафрока и забыл про них, так что ночью они были в моей спальне со мною. В каком месте лежат ключи от сейфа, знали все те же: только самые близкие люди. Я и жена находились ночью в спальне, сыновей в доме не было, а дочь моя...

У графа дрогнули губы, он отвернулся, пряча наворачнувшиеся слезы. Потупились и все остальные, старательно показывая графу, что они не заметили его слабости. Но супруга все же подошла к мужу и взяла его за руку. Задав ему несколько формальных вопросов, Зыбин засобирился восвояси, пообещав убитым горем родителям разобраться во всем.

Разве могла Марго остаться в доме, не узнав, каково его мнение? Она любезно предоставила ему свою карету, и не успели они выехать со двора, как она пристала к Зыбину:

– Скажите, что вы думаете по этому поводу?

– Да я покуда, ваше сиятельство, с покойниками в изворотливости и уме не состязался, однако, вижу, придется мне потягаться и с ними.

– Не верю, Виссарион Фомич, что у вас нет никаких мыслей.

– Должен разочаровать вас, сударыня: мыслей нет.

– Выходит, покойники запросто приходят к себе домой, чтобы забрать деньги и драгоценности? Зачем они им в могилах?

– Видать, выкуп на небесах с них требуют.

Он сказал эту чушь столь серьезным тоном, что Марго произвольно фыркнула. К счастью, Зыбин сделал вид, будто он не заметил этой неучтивости с ее стороны, и сказал:

– Ключи взял тот, кто знал, где они лежат! Либо граф ошибается и, помимо близких, есть еще некто, осведомленный о тайнике в корпусе корабля, либо...

– Что – либо? – нетерпеливо сказала Марго.

– Либо юная графиня Элиза жива и, действительно, приходила в дом ночью...

– Этого не может быть, – категорично заявила Марго, имея на то полное право. – Элизу похоронили ровно месяц назад. Я присутствовала на похоронах, ее отпевали в церкви, она лежала в гробу!

– Значит, существует еще одна Элиза.

– Двойник? – нервно хохотнула Марго. – Увольте, Виссарион Фомич, я в это не верю. Во-первых, откуда двойник Элизы знал, где лежат ключи? Откуда эта «вторая девушка» знает, как расположены комнаты в доме и в какую ей надобно было войти? А где она взяла ключи от парадной двери?!

– Но ведь ключи однажды на какое-то время пропали, а затем нашлись. Разве для вора представляет сложность сделать дубликат?

– В таком случае двойник должен был взять их и узнать, где спрятан сейф, стало быть, появиться в доме, а это невозможно! Неужели родные спутали бы Элизу с другой девушкой, похожей на нее?!

– Должен признать, вы в чем-то правы...

– Разумеется, права! Есть и второе доказательство моей правоты: Загурский, который тоже приходил к себе домой – хотя должен был покоиться в могиле, – и забрал крест. Два двойника – не слишком ли это много?

– И тут вы правы, Маргарита Аристарховна. Надобно съездить к вдове Загурского и из первых уст послушать, как у них все это было.

– Моя карета к вашим услугам. Надеюсь, вы позволите мне присутствовать при допросе вдовы? – спросила Марго.

Он скосил на нее глаза. Случалось, они открыто выражали его мысли, как в этот миг, и по их выражению Марго прочла: «Опять вы, ваше сиятельство, дурью маетесь?» Но она знала, что Зыбин не посмеет отказать ей из уважения к ее мужу, и он не отказал:

– Да уж, извольте.

– Когда мы отправимся к ней?

– Завтра, сударыня, завтра. Все ж таки десять верст от города, дорога неблизкая. С утра отправимся, коли вы того же-

лаете...

Вдова Загурского по всем признакам была женщина прилежная и придерживающаяся строгих правил, безусловно, не лишенная привлекательности, несмотря на глубину постигшего ее горя, тридцатипятилетний свой возраст и необычайно скромную, а также излишне мрачную одежду. Особенно прекрасны были ее волосы – необычайно пышные, которые она не уложила в прическу, а просто перехватила на шее лентой – ведь она не ждала гостей.

– Начальник следственных дел Зыбин Виссарион Фомич, – представился ей гость, поклонившись. Не забыл он и о Марго: – Графиня Маргарита Аристарховна, жена статского советника графа Ростовцева.

– Прошу садиться, господа, – указала Загурская на кресла в гостиной. Когда неожиданные гости уселись, Анна Яковлевна распорядилась подать чаю, ведь господа с дороги, затем поинтересовалась: – По какому поводу вы ко мне пожаловали?

– Нас интересует крест, который у вас украли, – сказал Зыбин. – Не могли бы вы рассказать, как это случилось?

– М-м, – понимающе усмехнулась она. – Слухи дошли и до полиции? Ежели я все расскажу, вы тоже примете меня за сумасшедшую.

– Отнюдь нет. Видите ли, родственников ее сиятельства графини только что ограбили подобным же образом.

– Вы хотите сказать, что мой покойный муж это совер-

шил? Сударь!..

– Покойница-с, – внес уточнение Зыбин, подняв указательный палец. – Юная девица, умершая в этой семье месяц назад! Не странно ли сие, сударыня: у вас покойник взял из дому крест, у родственников графини Ростовцевой покойница забрала деньги и пыталась открыть сейф?.. Сходные случаи-с! И невероятные. Помогите нам разобраться, так сказать, пролейте свет на мрачные слухи.

– Стало быть, покойники не только в мой дом приходят? – Кажется, ее обрадовала эта новость, хотя открыто своей радости, как таковой, хозяйка и не выказала. – Хм, а я уж было подумала, что действительно схожу с ума. Что ж, господа, вижу, вы не с дурными намерениями приехали в эдакую даль. Что ж, я расскажу... И сделаю сие потому, что, может быть, вы мне разъясните, как мне все это следует понимать и... как принять?

Вацлав заболел внезапно: почувствовал себя худо и слег. То ли в бессрочный сон он впал, то ли в беспамятство, только через три дня доктор, осмотрев его, лишь руками развел:

– Отошел.

Как! Почему?! А кто же скажет – почему? Врачеватели отнюдь не всесильны, они сами не поняли, что за болезнь такая нашла на сего здорового, крепкого мужчину. Его мать от горя все глаза выплакала, через каждый час капли пила, она-то и спасла Анну Яковлевну от полного упадка духа, она

да еще двое деток. Заботы о них отвлекали вдову от ее горя, только вот ночью сердце у нее сжималось и лились сами собою слезы. Анна Яковлевна засыпала лишь под утро, да и то ненадолго. А как тоскливо ей становилось, когда ночью завывал ветер – в деревне он особенно «голосист» и силен, душу терзает хуже палача!

Однажды глубокой ночью Анна Яковлевна услышала крик – короткий и страшный, вызвавший ледяные мурашки по всему телу. Она вскочила на своей постели, так как узнала голос свекрови, в одной ночной сорочке бросилась к ней в комнату, расположенную неподалеку от ее собственной спальни. У свекрови всю ночь горела лампа под абажуром на слабом фитильке, поэтому Анна Яковлевна, распахнув дверь, тотчас увидела мать своего мужа, несмотря на полумрак. Бедная женщина явно хотела встать: она уже откинула одеяло, но приступ помешал ей, и она подала знак криком, надеясь, что кто-нибудь да прибежит к ней. Свекровь лежала, свесив голову и половину корпуса с безвольно упавшей рукой с кровати. Удивительно, как она вообще с нее не свалилась, – чепец ее упал на пол, седые волосы рассыпались по плечам. Анна Яковлевна бросилась к женщине, боясь новой смерти в доме, и, упав на колени у кровати, поправив голову свекрови, с трудом выдавила полушепотом:

– Матушка...

Матушка не шевельнулась, не вздохнула... Анна Яковлевна хотела встряхнуть ее и взялась за ее плечи, но вдруг всей

спиной почувствовала, что в спальне еще кто-то есть. И этот «кто-то» находился именно за ее спиной. Незнание страшна, но страшнее не знать, не видеть, кто за тобой стоит, что он задумал?..

И он и правда там стоял – спиной к ней, в углу, копался в ящиках шкафа, где свекровь хранила свои личные ценности – переписку, документы, мелкие семейные реликвии. Обернулись они оба – хозяйка и неизвестный – одновременно. Анна Яковлевна, подумав, что в поместье забрался вор, хотела было закричать, позвать на помощь слуг... Но вот мужчина сделал пару шагов к ней, попав в более или менее яркое световое пятно, и она увидела... мужа!!! А покойники не возвращаются!..

Это было так страшно, что крика не получилось – он исчез напрочь вместе с голосом. Ощущая свою полную беспомощность перед сей фатальностью, почувствовав дыхание смерти в образе мужа, Анна Яковлевна как подкошенная упала на пол. Падая, она заметила, как в его руках что-то сверкнуло – что-то заискрившееся, ловившее лучи света отшлифованными гранями. «Крест», – была ее последняя мысль, которая на то и мысль, что она мгновенно улетучивается вместе с сознанием.

– Нас обеих нашла горничная ранним утром, – с трудом сдерживая слезы вымолвила Анна Яковлевна. – Матушка принимала капли строго по часам, первую склянку – в шесть

утра. Меня-то служанка как-то привела в сознание, а вот матушку... Умерла она! Без сомнения, удар ее хватил, когда она увидела своего живого сына. А ведь на его похороны съехалось много народу – из города и из соседних усадеб, поэтому никто, понимаете, никто не поверил в то, что мы видели живого Вацлава! По их лицам и глазам я прочла одну жалость ко мне, а потом я узнала... Меня считают помешанной! – всплеснула она руками, горько, нервно хохотнув. – Но матушки не стало, и пропал фамильный крест, которым наградил польский король пана Загурского, предка моего мужа, могущественного магната еще в начале семнадцатого века... Да что там, я и сама стала в себе сомневаться, ездила в город к докторам... Но ведь он приходил еще раз!

– Неужели?! – заерзал в креслах Зыбин.

Давно уж принесли им чай, пироги, варенье, а Виссарион Фомич, изрядно проголодавшись, лишь поглядывал на угощение с вожделением, ибо хозяйка так и не предложила им: «Отведайте, господа...»

4

– Отпечатки ее, – сказал Друбич. – На стенах, на полу, на ручках дверей – везде. Короче, повезло нам!

Честно сказать, София пребывала в полной уверенности, что отпечатки не совпадут. Жаль, жаль! А девочка-убийца сидела в соседней комнате и, не подозревая, в какую она угодила западню, рассматривала свои черные ладони. Нет, при взгляде на нее у Софии не проходило ощущение совершаемой ею трагической ошибки, которая в будущем изменит и ее существование тоже. И ничего не поделаешь в этой ситуации, да и что тут можно сделать? Девчонка-то обречена, смотреть на нее – нет сил! Не привлекая к себе внимания, София выскользнула в коридор, но не прошла она и десяти шагов, как ее опередил Артем, загородив ей дорогу и еще и руку уперев в стену.

– Ну, ее отпечатки, ее, да! – раздраженно сказал он. Тот и оно: Артем чувствовал Софию, как и она его. – Что ты против этого скажешь?

– Сказать тут нечего, но мне ее жалко. Очень! Она какая-то несчастная... вроде бы она и понимает это и в то же время не знает, в чем ее несчастье.

– Это не аргумент. А вот кровь на ее... э... одежде и коже, отпечатки...

– Знаю, знаю! Куда вы ее теперь?

– В СИЗО. Успокойся, сначала ее в изолятор положат, наш психиатр с ней поработает, ведь нам нужны ее показания.

– Я могу передать ей какую-то одежду?

– София, если ты будешь всех подряд жалеть – нищей станешь.

– Надеюсь, ты меня не бросишь в нищете и хоть корочку хлеба мне подашь. Артем, а когда ты с психиатром встретишься?

– Завтра. Молчи, молчи, знаю я, чего ты хочешь. Договорились: беру тебя с собой, тебе же необходимы факты для твоих романов.

София улыбнулась, поцеловала подушечки двух своих пальцев и приложила их к щеке Артема в знак благодарности. Он задержал на своей щеке ее руку, заметив:

– Я ж не в поезде, проще напрямую. – И он наклонился, подставив щеку.

– Мы на работе, – остудила его пыл София.

– Ладно, после работы я везу тебя домой, и ты выразишь мне свою благодарность напрямую, идет?

– Выражу.

Но подобные обещания не всегда выполнимы. Артем позвонил и сообщил ей, что, к сожалению, он не отвезет Софию домой: едет на очередное убийство.

– Ничего страшного, я доберусь сама, – сказала она в трубку.

– За мной должок. Но и за тобой – тоже, помнишь?

– Помню, помню, – рассмеялась София.

Опять соседка обнаружила труп, и дверь вновь была открыта, но это еще ничего не значило. В квартире на десятом этаже нового элитного дома лежал труп женщины, и у нее... было перерезано горло!

– Жестоко, – констатировал Друбич, ставя чемоданчик на стул. – Главное, до боли похоже на предыдущий случай.

– Угу, угу, – подтвердил Левин. Дальнейшие его фразы были насквозь пронизаны иронией: – Почерк один. Только убийца с этим почерком уже сидит в СИЗО! Не странно ли все это?

– Не сидит, а лежит, и не в камере на нарах, а на кровати, в изоляторе, – уточнил Артем резким тоном. Он обычно злился в обстоятельствах подобной путаницы.

– Ой, какая красивая женщина, – посетовал Левин, стоя над кроватью, на которой лежала убитая. – Мне всегда нравился такой цвет волос.

– Ну, знаете! – фыркнул Артем. – Это самый их ненатуральный цвет.

– Знаю. Красно-медных волос не бывает в природе, а вот мне нравится. Судя по тому, что она обнажена, смерть застала ее в момент акта любви.

– Вы просто поэт, – заметил Друбич, исследуя пол, согнувшись пополам. – Ну, давайте пофантазируем. Итак, ее убил

любовник...

– В контакт с ним она вступила днем...

– У каждого свои привычки. Чем-то она не угодила своему привередливому любовнику, и он ее по горлу – чик... В прошлый раз нам оставили бритву, а где сейчас орудие убийства?

Они осмотрели спальню, шныряя по ней с тараканьей скоростью, но Артем их разочаровал, хотя и без него все было понятно:

– Убийца не оставил орудия убийства.

– Зато он оставил следы, – уткнувшись глазами в пол, сказал Друбич. – Опять – кровавые босые ступни! Не верите? Идите сюда! Артем, видишь, вот след от ноги, примерно сорок третьего размера. Нечеткий след, но... Хм, наш любовник, вместо того чтобы слинять незаметно, еще и потоптался в луже крови.

– У каждого – свои привычки, – поддел Друбича его же недавним высказыванием Левин. – Потом он наступил на ковер...

– А вот еще след, но слабый... – продвигался куда-то по цепочке следов Друбич.

Так они достигли балкона в гостиной. Дверь была распахнута, но ментовская привычка – перед следующим шагом подробно рассматривать все у себя под ногами, что только встречается на пути, не подвела их. Незадачливый убийца оставил пальцы на белоснежной двери, а выйдя на балкон,

он взялся за перила...

– Кажется, он перепутал выход, – произнес Друбич и взглянул вниз: – Темно, ни черта не видно! Думаю, если бы кто-то упал отсюда час назад, его заметили бы, потому что еще стояли сумерки.

– Вовка! – крикнул Артем. – Сгоняй вниз, посмотри, нет ли под балконом тела.

– А что, должен быть еще один труп?! – заглянул в гостиную Вовчик.

– Нежелательно, но – все возможно. Проверь.

Как правило, случается так: чего ты не хочешь, то и получаешь. Не хотели они еще одного трупа, по логике вещей, его и не должно было быть, в противном случае им прибавлялось работы ровно в два раза, но, собственно, их не это пугало. Заварится та-акая гремучая смесь из путаницы и лишней суеты, и без того сегодняшнее убийство перекликалось с убийством Усманова, уже есть предлог поломать головы, а если там еще и...

– Нет, ребята, – угадал мысли всех присутствующих Друбич, сделав слабую попытку их успокоить. – Второй труп, да еще и точненько под балконом убитой – это слишком! До такого эксцесса не додумается самый отпетый преступник.

– Если бы он там лежал, его бы давно заметили, – поддержал его Валентин, начинающий следователь, подкованный только по теоретической части, но жаждущий активной практики.

А где-то в мозжечке у него засело: как назло, внизу нас труп ждет! И он таки дождался! Володя позвонил снизу Артему:

– Спускайтесь ко мне!

– У нас началась черная полоса, братцы, – сообщил друзьям Артем. – Всем вниз, Вовчик кого-то там нашел.

Трупом оказался молодой человек, гораздо моложе убитой дамы, впрочем, сейчас никого уже не удивишь возрастной разницей любовников. Женщины зачастую предпочитают мальчиков, что вполне логично: молодой-то скакун неутомимее и энергичнее старого мерина. Но почему многие юноши тянутся к женщинам, мягко говоря, постарше их самих, – загадка! Возможно, есть на то какие-то свои причины, глубоко сокрытые, а то, что впоследствии становится всеобщим «психологическим» достоянием, является в итоге лишь весьма неубедительными отговорками, теориями, не имеющими никаких реальных точек соприкосновения с истиной.

Парня, одетого только в джинсы, и не смогли бы увидеть во дворе: эта стена дома выходила практически на пустырь, а следующий дом стоял довольно далеко и не был достроен. Это же не центр, где скученность – чудовищная, высотки втыкают в какие-то узкие щели между старыми домами вопреки всем правилам и здравому смыслу, они прилипают – буквально – друг к другу, тем самым лишая жильцов жилых лучей дневного света. Главное – юноша выпал, можно сказать, прямо на свалку, в мусор, который не успели

убрать: его тело попросту слилось с разного рода строительным хламом; а с другой стороны, пролежал он тут недолго – вскоре уже стемнело, поэтому его и не заметили. То, что он вылетел сверху, не вызывало сомнений, а пятна крови на его теле и джинсах красноречиво говорили о том, из какой именно квартиры он вывалился. Но по доброй ли, по своей ли воле?..

Левин начал работать с трупом юноши. Артем вернулся в квартиру, вначале он осмотрел одежду в прихожей и стеллажи с обувью, затем обошел все комнаты.

– Что ты тут ищешь? – полюбопытствовал Вовчик.

– Он ведь пришел сюда в своей одежде. Где же его рубашка или свитер, куртка, плащ, туфли? Не босиком же он явился к своей любовнице! При нем должны быть документы, какие-то деньги, телефон, ключи...

– А что, ничего нет?

– В том-то и дело! Может, я просто что-то просмотрел? Давай-ка и ты еще поищи.

Вовчик, в свою очередь, обошел квартиру, заглянул даже под кровать, на которой лежало тело убитой, но мужских вещей он не нашел – никаких вообще. Валентин опрашивал соседей. Те сюда заселились недавно, не успели как следует узнать друг друга, короче, выяснить ему удалось немного. Женщина по имени Светлана Ямина, тридцати девяти лет, въехала в этот дом одной из первых, значит, она имела деньги, чтобы в короткий срок безликий «стройвариант» превра-

тить в жилую квартиру, к тому же она успела купить мебель. Раз дама не из бедных, значит, имела постоянный и вполне приличный доход. Скорее всего, она – предприниматель, поэтому первое, с чего надо начать завтрашний день, – постараться выяснить, на каком поприще Ямина подвизалась. Сотовой трубки ни в карманах ее одежды, ни в ее сумках, ни в квартире не нашли, и это было очень странно! Наверняка трубка у нее была, она им очень помогла бы. Но имя, фамилия, отчество ее уже были известны, и сравнительно несложно будет отыскать абонента в фирмах сотовой связи, получить списки звонков Светланы. Правда, на все это нужно время. А кто таков этот полуголый парень – придется выяснять уже по ходу.

– Артем, погляди, что мы нашли! – Друбич передал ему пакет с бритвой. – Мы вполне могли ее не заметить, но она лежала точно под ладонью трупа. Отпечатки там имеются, кровь на лезвии осталась – так что все замечательно... – И вдруг он спросил: – В квартире Усманова нам попадались какие-либо женские вещи?

– Нет, – ответил Валентин. – Квартиру его мы осмотрели подробно... А что такое?

– А то, что одежды парня здесь нет! Он пришел к ней в одних джинсах? Босиком?! Холодновато и очень уж экстравагантно для ранней-то весны! А ту девчонку, которую мы забрали из больницы, нашли без сознания на улице в нижнем белье! Кровь на ней и на белье принадлежит Усманову, от-

печатки в его квартире оставила она, значит, сомнений нет, что именно эта девчонка спала с ним в ночь убийства.

– Но у тебя есть сомнения, что именно она его убила? – догадался Друбич.

– Сейчас я не об этом. Раз она вышла на улицу практически голышом, то почему мы не нашли ее вещей в квартире Усманова?

– Их просто унесли, – вдруг выдал Вовчик.

– Вот именно! – кивнул Артем. – Друбич, это и есть ответ на твой вопрос! Ребята, нас явно держат за дураков!

София мимоходом взглянула на часы – было половина первого. Она снова уткнулась в монитор ноутбука, но мысль ее вернулась к циферблату часов: половина первого?.. Не в первый уже раз Борька возвращается среди глубокой ночи, похоже, он опять загулял. Ее что-то неприятно кольнуло. Дело было вовсе не в ревности, а в этой его нечестности! София уже давно стояла на той ступени, когда наиболее правильное решение – это взять и уйти, но он же сам не дает ей этого сделать! Ведет себя таким образом, что ей становится жалко Бореньку и еще стыдно, будто это она обманывает своего мужа. В сущности, София действительно его обманывает, потому что больше не любит, а сегодня она почуяла буквально всей кожей: он тоже обманывает ее. Обманывает уже не на духовном уровне – на физическом.

– Спокойно, – сказала себе она. – Пока он не пришел, есть

время для работы, и его надо использовать.

Она вдохнула и резко выдохнула, изгоняя из головы Борьку с его загулом. Пальцы ее забегали по клавиатуре...

А НА МОНИТОРЕ ПОЯВЛЯЛИСЬ НОВЫЕ СТРОКИ...

«— Да, я видела его и во второй раз, — задумчиво повторила Загурская, вероятно, восстанавливая еще одну ужасную картину в своей памяти. — Это было совсем недавно... дней пять назад...

— Что вы говорите! — захолопал своими веками, почти без ресниц Зыбин, забыв даже об угощении. Нет, он никак не ожидал, что покойники посещают своих родственников столь регулярно! — Как это произошло?!

— Я сидела в гостиной, вот в этой, и вязала детям чулки — в моем положении лучше занимать себя работой, а не бездельничать. Ну, и засиделась. Дом уже утих, а я все вяжу, вяжу... И потянуло вдруг меня взглянуть в окно. Знаете, как это бывает? Непреодолимо, так, словно некто посторонний и невидимый поворачивает твою голову... Вон в том окне я и увидела его. Живого! С живыми глазами... Он наблюдал за мной... Я закрыла лицо руками и закричала. Прибежала дворня, но им я ничего не рассказала, оправдалась тем, что мне просто стало худо.

— А ваш... муж? — спросила Марго. — Куда он исчез?

– Не знаю! Может, он приходит сюда каждую ночь, но теперь я слежу, чтобы шторы всегда были плотно задернуты. Просто мне не по себе... так все это страшно и непонятно! – Тут она встрепенулась: – Простите, господа, чай стынет. Прошу вас, угощайтесь.

Зыбин сразу принялся уплетать пирог, но и о деле он не позабыл:

– Как же ваш муж пробрался в дом для того, чтобы забрать крест? Хоть он и покойник, а ключики-то он должен был иметь, не так ли? Ключики у вас не пропадали-с?

– Нет-нет. Зайти в наш дом не составило бы особого труда ни для кого, черный ход у нас никогда не закрывается... то есть... Раньше не запирался, а сейчас я проверяю – заперли его или нет. Усадьба у нас большая, слуг много, чужие здесь прежде не шастали...

М-да, вот и мужа своего покойного теперь она причислила к «чужим»...

– Скажите, сударыня, кто лечил вашего мужа? – поинтересовался Зыбин.

– Поначалу мы Улиту приглашали, это здешняя знахарка... – разливая чай, сказала Анна Яковлевна. – Потом я послала за доктором в город, Ряженов его фамилия. А он привез с собой еще двух докторов, я, простите, запомятовала их фамилии, не до того мне тогда было.

– Не беда, нам достаточно и Ряженова... Ой! Кусочек упал-с... Прошу простить меня за неловкость.

– Ничего, ничего, прислуга все уберет. Кушайте на здоровье.

– А ваш муж еще до своей смерти отлучался куда-либо из поместья?

– Месяца два он каждый день ездил куда-то верхом.

– Каждый день?! – Зыбин изумился, даже жевать перестал. – Что же он делал? И где бывал?

– Муж не посвящал меня в свои дела. Меня беспокоило то, что Вацлав внезапно раздраженным таким стал, задумчивым и... немного грубым. Думаю, хлопоты эти его утомляли, он ведь мечтал деревню одну прикупить. Между той деревней и нашими владениями жители ведут часто споры из-за луга. До драк доходило, вот муж и решил присоединить эту деревеньку к нашим, да все не удавалось ему уговорить соседа – тот очень уж дорого запросил.

О покупках деревень Зыбину, далекому от помещичье-крестьянских забот, слушать было абсолютно неинтересно. Он ел и все нахваливал пироги с вареньем, тогда как Марго сгорала от нетерпения – побыстрее бы покинуть дом Загурских и выяснить, что же Виссарион Фомич обо всем этом думает. У нее самой просто голова шла кругом: казалось, в этой мистике нет никакой возможности разобраться толком!

– Господа, вы верите мне? – вдруг робко спросила вдова, желавшая услышать подтверждение не столько факту существования призраков, сколько тому обстоятельству, что рас-

судок у нее остался, не пострадал из-за этих диких, необъяснимых событий.

– Нет причин вам не верить, сударыня, – галантно ответил Зыбин.

– Тогда объясните мне, что это было?! – разволновалась она, не встретив с их стороны проявлений явного скептицизма. – И было ли сие вообще?!

– Покуда, сударыня, я не могу дать вам какие-либо разъяснения, но заверяю вас: тайной «живых мертвецов» я займусь лично. Премного благодарны за хлеб-соль. Честь имею.

О, если уж Зыбин за что-то возьмется, то он докопается-таки до истины, ведь у него редкий дар к сыскному делу! В карете он устроился поудобнее, сложив руки на выступающем вперед животе, и, глядя в окошко, посетовал:

– Весна нынче холодная и дождливая. Кости ломит... ветер поднялся, знать, быть дождю, а мне нынче хорошая погода надобна.

Марго мгновенно мысленно перенеслась в лето, в имение брата Мишеля. На носу – очередное лето, а она все никак от прошлого не освободится. У Сурова Александра Ивановича, друга Мишеля, раненое плечо тоже ныло на перемену погоды. Где они оба сейчас? Брат им пишет редко, Суров – часто, и каждое его письмо – событие для нее. Марго перечитывала его послания по многу раз, иногда даже плакала тайком. А плакала она потому, что Суров и не подозревал о том, как он затронул ее сердце! Это же настоящая мука –

такая безнадежность...

– Ей-богу, Виссарион Фомич, – вдруг встрепенулась она, – мне трудно в себя прийти после всего услышанного! Что вы намерены делать?

– Намерен раскопать могилу, – заявил он.

– Раскопать?! – ужаснулась Марго. – Которую?!

– Ближайшую, сударыня, стало быть, вашей родственницы.

– А Ростовцевых вы поставите в известность об этой вашей затее?

– Так ведь вы – рядом, – хихикнул он. – Разве вы им не родственница? Вот и дайте мне свое согласие на сей акт вандализма.

– Но... – Марго совсем потерялась, что с нею случилось редко. – Элиза мне не дочь, не сестра, есть родственники, стоящие к ней гораздо ближе... Виссарион Фомич, так ли уж это необходимо – раскапывать могилу, тревожить прах покойной?

– А я как раз и желаю убедиться, что она – покойница! Не думаете же вы в самом деле, будто сим наглым воровством промышляют призраки?!

– Нет, разумеется, но... Поверьте мне, Элизу действительно похоронили!

– Так ведь и господина Загурского тоже похоронили. Как же во все это не верить, ежели тому, как я понял, тьма свидетелей имеется? А он является своей жене! Словно он и по-

ныне живой и невредимый – экая несурязица! Мы раскопаем могилу сегодня же ночью... лишь бы дождя не случилось.

Марго некоторое время ехала молча, и ей в голову, как всегда, вдруг пришла одна безрассудная идея:

– Позвольте и мне при сем присутствовать...

Она осеклась, ибо Виссарион Фомич одарил ее зловещим взглядом василиска. Но он все же держал себя в руках:

– Позволю себе напомнить вам, ваше сиятельство, что вы – графиня, а благородной даме не пристало посещать кладбища по ночам-с! Что ваш муж на сие скажет?

– А он уехал по делам в Петербург. Я оденусь очень скромно...

– Коли вы желаете помочь следствию, сударыня, – рассердился Зыбин, – так ступайте в ваши салоны. Вас там все поймут: траур для светской женщины, молодой и красивой, – весьма тяжкая ноша, тем более что родственница-то упокоилась дальняя, не по вашей родовой линии. Ступайте, ступайте в салоны и вызнайте мне все слухи по данному делу! Ведь крестьянам и мещанам призраки не являются: отчего-то они приходят именно туда, где есть чем поживиться! Второе: почаще бывайте в доме дяди вашего мужа. У его дочери была камеристка, горничная, личная служанка?

– Была. Хорошая девушка, Дуняшей зовут.

– Сойдитесь с нею и выведайте все секреты покойной Элизы Алексеевны, служанки обычно об том знают. Не исключено, что девушка втайне ото всех встречалась с неким мо-

лодым человеком или же имела каких-либо странных, диковинных подруг...

– Как можно такое говорить! Элиза была скромной девушкой, домашней, к тому же она была помолвлена.

– С кем именно? – заинтересовался Зыбин.

– С молодым князем, Дубровиным Виктором, – сделала ударение на предпоследнем слоге Марго. Имена в свете произносили на французский манер. – Племянником Гаврилы Платоновича, кстати, это мой крестный.

– Хорошая партия!

– Для Викторá – да, он получил бы большое приданое, женись он на Элизе, сам-то он на иждивении у своего дяди находится. А для нее это замужество – не самый лучший выход, разве что титул княгини она могла получить... Но Гаврила Платонович принимает живейшее участие в судьбах своих родственников, он старается лучше пристроить их, что, впрочем, не всегда ему удается. Так вы позволите мне сегодня присутствовать при эксгумации?..

– Нет, ваше сиятельство! – забрюзжал он. – Чего удумали! Стар я уже для таких скандалов-то, да! А вы ведь желаете скандал изобрести, обязательно же найдутся подлые языки, они-то проболтаются, как графиня Ростовцева откапывала труп! Кончено, об этом более ни слова-с!

Марго надула губы и «проглотила язык».

К вечеру она отошла от этого чувства глубокой обиды. Да,

Зыбин терпеть не может высший свет, а уж дам из этого света – тем паче; конечно, он лелеет мечту, чтобы она, Марго, не вмешивалась в ход следствия. В прошлый раз он дал согласие на то из страха перед ее мужем, ибо не хочет Зыбин на покой, дорожит он своим местом... Отчего же сейчас он ей отказал? Ну, не допустил он ее к могиле – и ладно, в дальнейшем Марго проявит бóльшую настойчивость, ведь это же такая прелюбопытная история, загадочная и мистическая, какая однажды случилась в имении у ее брата... Нет, она не способна отказаться от участия в сем деле, она стерпит скверный характер Зыбина! И Марго отправилась выполнять его задание, то есть поехала в дом дяди своего мужа и напросилась переночевать. Дядюшка с тетушкой только обрадовались такой ее поддержке, выделили Марго одну из лучших комнат с видом на клумбу, а в горничные себе она попросила прислать Дуняшку.

Войдя в комнату, Марго подошла к окну, отодвинула шторы. Разгулялись стихии, правда, дождь еще не полил, как то прогнозировал Зыбин, но ветер свистел вовсю, он гнул ветви деревьев со злобной яростью и безжалостно раскачивал фонари перед крыльцом.

– Чего желаете, ваше сиятельство? – вдруг раздался за ее спиной высокий чистый девичий голос.

Марго обернулась. У порога замерла Дуняша. Опустила ресницы... Девушка весьма симпатичная, по виду – неглупая, что как раз не очень хорошо: к глупым людям легче по-

добрать ключик.

– Помоги мне раздеться, милая, – сказала Марго.

Виссарион Фомич решил не привлекать к делу могильщиков: им же только стакан-другой водки налей – выложат тебе то, чего и не было. А дело-то тайное, не угодное ни Богу, ни церкви, ни родным покойной, тут уж поостеречься не помешает. Пятеро полицейских, он сам и анатом (кто-то ведь должен засвидетельствовать, что девица, лежащая в гробу, глубоко мертва!) блуждали по кладбищу, освещая себе дорогу двумя фонарями. Полицейские несли на плечах лопаты. Изрядно мешал им ветер, завывая на все лады и внося в их души «ужасы с суевериями». Да Зыбин, когда надо, не боялся ни бога, ни черта. Один полицейский побегал среди свежих могил, освещая надписи на надгробиях, наконец, он крикнул:

– Есть, вашвысокблагородь! Нашел!

– Чего орешь? – подойдя к могиле, бросил Зыбин. – А козь услышат нас, прибегут? Будет конфуз!

– Да кто ж услышит что в эдакую скверную погоду? – ухмыльнулся полицейский. – Все по домам попрятались, а на кладбище и в тихое время людей в ночную пору не сыщешь.

Попросив посветить ему получше, Зыбин внимательно осмотрел земляной холмик. Надписи он не нашел, поэтому спросил у полицейского:

– Уверен, что это могила юной графини Ростовцевой?

– Так точно, ваше высокоблагородие! Я ж ездил сюды днем по вашему приказанию, хранитель кладбища мне показал могилу и приметы ее назвал, чтоб найти потом было проще. Вон – береза, наискосок от нее – куст сирени, за ним – надгробие с ангелом, а рядом барышню-графиню и закопали. Я ж ленточку привязал на крест, чтоб ошибки не вышло, видите? Вот она, болтается. Та могила, не сумлевайтесь!

– Приступайте, – мрачно отдал распоряжение Зыбин. Лопаты дружно врезались лезвиями в землю.

Финансовые затруднения отравили Викторю всю его юность, а поступить куда-либо на службу и получать жалованье, пусть даже и приличное, он посчитал для князя делом унижительным. Клубы он посещал, ибо молодость жаждет общества себе подобных, хочет блистать среди сверстников если не деньгами, то умом. Кстати, Виктор был вполне умен, да другого-то наследства ему и не осталось, и не досталось. Обладая неким благоразумием, он не увлекался игрой, как увлекались ею многие его сверстники, мечтавшие выиграть состояние за один раз; он не позволял себе лишнего бокала вина и прослыл скрягою среди друзей; тем не менее он пользовался их уважением. Его товарищи полагали, что богатый дядя обязан обеспечивать молодого человека сполна, а тот не был излишне щедрым и на содержание племянника выделял мало средств. Впрочем, обижаться на него было бы грешно, у князя Дубровина родственников более чем доста-

точно, благо он хоть не гонит от себя в три шеи эту толпу бездельников. Так и прозябал Виктор вместе со своею матерью на иждивении у дяди, надеясь выгодно жениться, – титул его ведь тоже чего-то стоит! И подыскали ему невесту, девушку во всех смыслах прекрасную, а она... Мало того что потребовала расторгнуть помолвку, еще и заявила:

– Я вас не люблю. И не полюблю никогда!

Это были очень обидные слова, которых Виктор не мог ей простить и после ее смерти. Чем он так уж плох?! Пригож собою, умен, образован и воспитан, недаром самые блестящие дамы высшего света оказывают ему знаки внимания, намекая, что они не прочь бы встретиться с ним в интимной обстановке. Так как же можно было бросить ему столь жестокие слова, не узнав в нем прежде человека? Виктор был уверен, что, познакомившись с ним поближе, Элиза оценила бы по достоинству своего будущего мужа, но, как оказалось, сие не было им суждено. Другой такой хорошей партии в этом городе ему не сыскать, оставалось воспользоваться услугами состоятельных дам, согласных открыть перед ним двери своих спален и щедро одарить любовника за его пыл и страсть. Это дурно и стыдно, конечно, но другого-то выхода не предвидится, а прозвище «альфонс» несложно и перетолковать в более благозвучное словцо – «ловелас».

Рассуждая таким образом, Виктор шел на свидание без особого стремления, потому он и не взял извозчика, хотя нынешняя избранница его была великолепна по всем статьям.

Он наслаждался прогулкой по пустому городу (всех жителей загнал в убежища ветер), наслаждался разгулом стихии – ведь и в его душе творилось нечто подобное, роднившее его в порывах и метаниях с буйством природы.

Но стоило кому-то появиться на пустой улице, как этот человек притягивал к себе взгляды помимо своего желания. Так и Виктор, размеренно шагая по тротуару, машинально проводил взглядом женскую фигуру. Она шла ему навстречу, только по другой стороне улицы. Так же, мимоходом, промелькнула у него мысль, что эта одинокая женщина молода, одета как благородная дама, тогда почему же она без какого-либо сопровождения и без коляски оказалась на улице? В этот момент дама прошла через световое пятно под фонарем, на миг ее лицо осветилось, и непредумышленно Виктор приостановился. В его груди что-то стеснилось...

– Нет, нет, нет, – беззвучно произнес он...

Скрестив руки на груди, Зыбин терпеливо ждал, когда слышится характерный стук, и наблюдал, как из могилы выбрасывают комья земли. Анатом Чиркун Федор Ильич, сорока пяти лет, высокий, крепкого сложения, с завитками темных волос и закрученными кверху усами, присев на соседнее надгробие, курил трубку и скучал. Бух! – это лопата наконец ударилась о крышку гроба.

– Добрались, – сказал полицейский.

Погрузившись в рыхлую землю по щиколотки, Виссарион

Фомич кое-как взобрался на холм и глянул вниз. Там было темно – фонари нисколько не помогали.

– Крышку открыть сможете? – спросил он.

– Ежели с боков подкопать, то сможем, – отозвался снизу полицейский. Все четверо сняли кители – упарились, несмотря на ветер, и кучей бросили их на соседнюю могилу.

– Сколько вам понадобится времени?

– Да часика с головой хватит, но не менее.

– Многовато. В таком случае вытаскивайте гроб наверх!

Полицейский выбрался из ямы, размотал веревки, заготовленные заранее в участке, спустил их вниз. Гроб подцепили на веревки, поднатужились и вытянули его, спустив на земляной холмик.

– Сказано – барышня тута, – утирая лицо рукавом рубашки, сказал один из полицейских. – Легка, видать, кушала мало. Недавно свояченицу мою хоронили, так шесть мужиков еле донесли ее.

Чиркун подошел, уставился с полнейшим равнодушием на гроб, и в это время Зыбин скомандовал:

– Открывайте!

Острыми лезвиями лопат полицейские поддели крышку гроба, отсоединили ее и убрали куда-то в сторонку. Зыбин подался всем корпусом к гробу, невольно вытаращив глаза. Собственно, и анатом тоже был премного озадачен, как и полицейские, почесывавшие в затылках...

– Ежели кто из вас об том проговорится – удавлю соб-

ственными руками! – пригрозил Зыбин всем без исключения».

5

– Опять бабушка Марго и пыльный, побитый молюю девятнадцатый век? – раздалось возле ее уха.

– А! – вскрикнула София, подпрыгнув на месте как ужаленная. Оглянулась – муж! Она схватилась за грудь, словно удерживая скачущее сердце, и не хуже своей прапрабабушки Марго выпалила тираду без пауз: – Борька! Я тебя убью! Пишу про покойников, кругом ночь, а тут – ты! Сколько раз я тебе говорила: не подкрадывайся так ко мне! Ты специально, да?! Хочешь, чтобы я умерла?

– Что ты несешь? – сморщился он, падая в кресло и вытягивая ноги. – Я нормально вошел, а вовсе не подкрадывался...

– Всегда ты говоришь, будто не подкрадывался, но почему-то все одно и то же случается каждый раз! Надоело мне твоё вранье.

– Я не вру, просто ты вся целиком улетаешь в свои романы, здесь-то от тебя ничего и не остается, поэтому и не слышишь шагов. Днем она работает в ментовке (милицию и работу своей супруги муж Софии не любил), ночью пишет книжки (книжки он тоже не любил)...

– Ты днем тоже сидишь на работе, – София поняла, куда он клонит.

– ...а на меня у тебя вообще не остается времени!

– И ты не тратишь свое время на меня!

– Не понимаю, у тебя же есть все, чего еще тебе надо? – завел он старую песню, хорошо хоть не на повышенных тонах.

– Боря, когда у человека есть все, он обычно теряет нечто, для него важное, причем безвозвратно.

– Что именно?

– Например, себя! Тебе этого понять не дано, потому что терять себя обязаны все другие, но только не ты.

Она высказалась в мирном тоне, так что нельзя было бы придаться ни к слову, ни к эмоциям. Но под этим миром «считывалось» полнейшее ее равнодушие, внутренний холод, а это никак не могло устроить Бориса, привыкшего быть всеобщим идиолом.

– Брось умствовать, – в отличие от нее Борис уже несколько взвинтился. – Тебе захотелось мировой славы и общественного восхищения? Ну, посмотри же, София, на себя в зеркало... (Нет-нет, Борька ее вовсе не оскорблял, он скорее страдал.) Писатель – это звучит солидно, внушительно, мощно! Например, идет мужчина... маститый такой, крупняк... и сразу видно: писатель. Но появляешься ты – эдакий стебелек с челочкой (это весьма иронично прозвучало), и штамп можно сразу ставить: ты – кто угодно, но не писатель! Пони-маешь, слабовата ты для этой роли. Тебе стоит поправиться хотя бы, килограммов на двадцать...

– Ну да, конечно, тогда при моем росте я превращусь в

кадушку, и никто в мою сторону и не посмотрит – ты на это надеешься, да?

– Кстати, где же твоя слава? Ее нет! И денег, достойных этому наименованию – «писатель», тоже нет.

– Во всяком случае, мне не приходится клянчить их у тебя, а потом давать тебе же отчет, куда я потратила твои деньги! Это противно. Не заговаривай мне зубы, я твои методы знаю. Боря, уже половина второго ночи, ты не считаешь нужным объяснить мне, где ты был?

Ох, Борька... огурчик с грядки! Холеный, самодовольный, уверенный в себе и одновременно мальчик, психология-то у него чисто мальчишеская: мне, мне и еще раз мне, потому что я – главный. Смешно! Он протянул ей свой соловьиный со словами:

– Позвони на пост охраны, пусть лучше не я тебе скажу, где я был. Даже не поинтересовалась, что у меня случилось, почему я задержался, голоден ли!

София улыбнулась, подперев щеку ладонью. Ее умиляла эта его манера – нападать, вызывать в других чувство вины, когда у самого-то рыльце в пушку. Разумеется, она не взяла телефон и не стала звонить охранникам офисного здания: с ними ведь всегда возможно договориться. Сейчас София смотрела на этого большого ребенка – Борю – с чувством легкой досады: пенять-то ей не на кого, изначально она сама испортила мужа своей любовью, рабской преданностью ему, угодливостью, покорностью... Исправить его невозможно,

впрочем, София уже и не хотела его исправлять, но только сегодня у нее сформировалось четкое желание покончить со своей семейной жизнью раз и навсегда, как ей давно советовал папа.

– Я же вижу, что ты не голоден, – спокойно сказала она. – Иди, я еще посижу.

– Скоро ты свалишься, нельзя же спать только четыре часа в сутки! – Он ушел было, но тут же вернулся: – Запомни, ты у меня – одна!

Борис чмокнул ее в шею. В его заботе и в этом благодарном, но вовсе не волнующем поцелуе просматривалось эдакое примитивное заискивание перед «мамочкой» со стороны маленького шкодника, милого проказника. И выражение лица его при этом было такое преданное, любящее... Самое смешное – он действительно любил Софию, не хотел ее потерять, он ее и не отпустит; а в двух кратких словах их совместную жизнь можно назвать только так – бытовой идиотизм. Ну, как говорится, хоть живут они без драк!

– А я сразу поняла: не она – убийца...

– Стоп, София, – оборвал ее Артем, открывая очередную дверь. – Не делай таких скоропалительных выводов. Сейчас ты послушаешь нашего «психа» (так он называл врача-психиатра), но я тебя очень прошу: ни звука!

– Мне льстит, что Денисович и меня пригласил.

– Ну, – протянул Артем, – он же к тебе равнодушен.

– Глупости!

– Ты не так меня поняла, я имел в виду, что Денисович любит тебя, как папа родной, с тех самых пор, когда мы выводили на тебя, как на живца, того маньяка. Входи.

София вошла в кабинет. Ким Денисович представил ее какому-то незнакомому человеку с непроницаемым лицом фантома (или фанатика), предпенсионного возраста:

– Это – наша гордость, работает у нас в пресс-службе и пишет книги, которые издают в Москве, – София!

– Да? – «господин фантом» развернулся, чтобы еще раз повнимательнее посмотреть на Софию. – Что же вы пишете?

– Чтиво, – усаживаясь в углу, скромно сказала она. – Детективы.

Артем хотел было сесть поближе к шефу, но она успела схватить его за руку и слегка потянуть к себе, то есть на свободный стул – дескать, садись рядом со мной.

– София хорошие книжки пишет, мне они нравятся! – категоричным тоном заявил Ким Денисович, словно с ним кто-то спорил. – А это – Маркел Кузьмич, он поможет нам разобраться с подозреваемой. Итак... А где же наш следователь?

– Я здесь! – в кабинет влетел взмыленный Валентин и прямо у порога упал на стул. – Прошу прощения за опоздание, машина сломалась.

– Артем, давай, только коротко, – отдал команду Денисович.

Взгляд Артема, предназначенный Софии, означал: при-

дется тебе потерпеть и посидеть в уголке одной. Он поднялся, подошел к своему начальнику, открыл блокнот, в котором набросал план, и начал:

– Первое: та кровь на теле девчонки...

– Ее зовут Алина, – вставил Маркел Кузьмич.

– Она вам сообщила свое имя? – удивился опер.

– Я заставил ее назвать мне свое имя.

– Ну, тогда – на Алине была кровь Усманова, это уже определено экспертизой. В ее же крови на тот момент, когда девушку привезли в больницу, нашли следы незначительной дозы алкоголя – и все, никаких наркотиков. Отпечатки ладоней и пальцев в квартире оставила тоже она, но вот она ли убила – это вопрос, до сих пор открытый. Сейчас объясню вам, почему. Вчерашние два трупа повторяют обстоятельства убийства Усманова. Первое: лезвием бритвы перерезали горло Яминой, только в первом случае складную бритву оставили на кровати, а во втором ее обнаружили под рукой парня, спрыгнувшего с балкона. Второе: парень, как и Алина, оставил в квартире Яминой полный набор своих кровавых отпечатков, вплоть до следов ступней. Третье: они оба, эта Алина и парень, очутились на улице раздетыми, но в квартирах убитых никаких вещей, принадлежавших им, мы не обнаружили. Они не могли прийти к хозяевам практически голыми, значит, вещи Алины и парня кто-то вынес из квартир убитых. Четвертое: личности обоих подозреваемых до сих пор не установлены. Пятое: в крови парня – неболь-

шая доза алкоголя, и более ничего. Шестое: мотивы обоих убийств неизвестны, версий нет...

– Достаточно, – поднял руку Ким Денисович.

– Я еще не все довел до вашего сведения, – ослушался его Артем. – Налицо мы имеем вот что: спланированные заранее кем-то убийства, в которых оба подозреваемых скорее являются свидетелями. Но один такой свидетель погиб, экспертизой не установлено, сам ли он выпрыгнул или ему помогли. А вот Алина мне рассказала, будто она убежала, испугавшись чего-то...

– Смерти, – закончил Маркел Кузьмич. – Своей смерти!

– Да, наверное... Поэтому я предполагаю, что и парень убежал от смерти, в панике он не соображал, куда идет, а также не рассчитал расстояние до земли и погиб.

– Я согласен с Артемом, – подал голос Валентин.

– Значит, – принялся подводить итоги Ким Денисович, – по твоей версии выходит, что в обеих квартирах побывал один и тот же убийца?

– Точно, – согласно кивнул Артем. – Мне кажется, он был не один: их как минимум двое.

– А как же они оставили в живых свидетельницу? Алину эту?

– Не знаю, – развел руками опер. – В том-то и дело, что Алина и парень должны были по всем показателям стать в глазах следствия неоспоримыми убийцами. У меня такое ощущение, будто их к этому и готовили... Но получилось все

так грубо... и нелепо. Только идиоту не придет в голову, что оба эти убийства – одних рук дело! У меня все.

– У нас свидетельница и подозреваемая в одном лице, – вздохнул Денисович. – Но у нее поехала крыша.

– Если бы я с такой же уверенностью мог поставить диагноз. – Это было чистосердечное признание, что сей знаток психов далеко не все о них знает. – Дело в том, что Алина вполне могла совершить первое убийство.

У Софии произвольно вырвалось в защиту девочки:

– Она выглядит слишком беспомощной для убийцы, к тому же с памятью у нее проблемы, она патологически всех боится...

Не привлекая к себе внимания, Артем взял ее за кисть и крепко сжал. София вспомнила, что она дала обет молчания, и опустила голову, слушая Маркела Кузьмича.

– Повторяю: Алина могла совершить убийство, находясь при этом в сумеречном состоянии сознания, для этого состояния характерны расстройство сознания – при сохранении возможности действовать – и последующее выпадение из памяти человека чего-либо, им совершенного. При этом восприятие внешнего мира затруднено и происходит обрывочно, неясно, как бы в сумерках. Больной не ориентируется в окружающем, случается, у него возникают обрывочные, бредовые, неясные для него самого идеи, галлюцинации и двигательное возбуждение. Иногда эти симптомы отсутствуют, зато на первый план выступают заторможенность, растерян-

ность, неупорядоченные бессмысленные действия, которые также в дальнейшем выпадают из памяти больного. Должен обратить ваше внимание и вот на что: психогенные сумеречные состояния возникают в результате сильных психических потрясений. Похоже это на ваш случай?

– Один к одному, – согласился Артем и посмотрел на Софию, проверяя ее реакцию. Она поджала губы, что означало несогласие с версией врача. Артем махнул рукой – мол, ты безнадежна – и задал вопрос Маркелу Кузьмичу:

– А причиной этого психического потрясения не могло стать первое наше убийство, совершенное при ней?

– Могло, – не стал отрицать тот. – Еще реже встречается в практике судебно-психиатрической экспертизы патологическое просоночное состояние больного. Это своеобразное расстройство в форме крайне трудного, замедленного, то есть растянутого во времени, пробуждения после глубокого сна. Пробуждение происходит неравномерно, оно носит частичный характер, захватывает в первую очередь низшие функции, например, моторно-двигательные, в то же время высшие функции, я имею в виду психические, остаются не полностью пробужденными. Патологически замедленный переход от сна к бодрствованию сопровождается у человека расстройством сознания, искаженным восприятием окружающего мира, переплетающимся со сновидениями, иллюзорными и даже бредовыми переживаниями с кратковременными галлюцинациями. Представляете, что способен

сотворить человек в подобном состоянии? Но самое любопытное, что он ничего не будет помнить!

– Я так и не понял, который вариант – наш? – спросил Денисович, ему слушать всю эту лабуду было неинтересно, он был сторонником конкретностей, простоты и ясности.

– Так ведь и я не понял, – усмехнулся Маркел Кузьмич. – Нужно время, необходимо провести полное обследование Алины, это не делается быстро.

– А под воздействием гипноза она не могла бы совершить убийство? – вдруг осенило Валентина.

– Сложнейший вопрос, на который я затрудняюсь ответить, потому что, чем глубже я изучаю человеческую психику, тем больше понимаю: ни черта мы о себе сами не знаем, – вторично признался Маркел Кузьмич. Однако он уже крепко сел на своего конька и с воодушевлением продолжал: – Но случай исключительный, поэтому давайте разбираться вместе, раз уж мы затронули и гипнотический транс. У человека есть в мозге два полушария – левое и правое. В мозге выделяют кору головного мозга толщиной примерно около четырех миллиметров, и подкорковые (сублиминальные) глубинные структуры. Поверхность самой коры и эти глубинные структуры разбиты на участки, управляющие различными функциями организма. Кора головного мозга обеспечивает физиологию сознательной жизни (то есть осознание реальной действительности), а подкорковые, сублиминальные, слои мозга – бессознательную деятельность...

«М-да, пару часов послушаешь этого интеллигентного дядечку – и прямиком в психушку поедешь, на лечение, если успеешь сообразить, что тебе срочно требуется подлечиться». София решила так: если ей понадобится консультация, она поедет к Маркелу и душу из него вытрясет, но слушать сейчас весь этот бред... увольте! На чем там она в своем романе остановилась? Ах да: Зыбин надумал ночью раскопать могилу...

ПРОДОЛЖЕНИЕ, КОТОРОЕ ОНА НАКАТАЕТ ПОЗЖЕ

«Дом затих. В связи с последними событиями, когда мертвая Элиза якобы пришла сюда и забрала деньги, этот дом по ночам теперь казался зловещим. Но именно сейчас, слушая тишину, Марго пришла в голову великолепная идея. Она взяла подсвечник и босиком, чтобы никто не услышал ее шагов, выскользнула в коридор. Однако тишина вокруг стояла какая-то адская, страшная, заставлявшая тревожно постукивать ее сердце. А Марго, если уж что-то надумала, не в состоянии была остановиться.

На цыпочках она добежала до комнаты Элизы, взялась за ручку двери и замерла. Вдруг она сейчас войдет в комнату умершей девушки, а там... Элиза! Справится ли с собой Марго, не дрогнет ли она? Разумеется, она дрогнет, у нее уже заранее холодные мурашки стайкой разбежались по всему

телу – ведь не с живым же человеком она встретится!

Некоторое время она боролась с искушением войти в комнату и с ужасом перед непонятным явлением. А если ей вначале просто слегка приоткрыть дверь и, не заходя, одним глазком заглянуть внутрь? Если она Элизу... увидит – поднимет шум на весь дом, домашние сбегутся и поймают этого призрака... Правда, еще никому не удавалось сцапать призрака, а вот объяснений самой Марго впоследствии не избежать. Зачем она ночью пошла в комнату мертвой девушки, что ей здесь понадобилось? И что ей отвечать?

– Ай, потом придумаю, – шепотом сказала Марго и...

Дверь оказалась запертой на ключ – какая досада! Марго побежала к себе, забралась под одеяло и задрожала. Без Дуняши тут не обойтись, горничная должна знать, где хранится ключ от комнаты Элизы.

А ветер выл поистине чудовищно, он набрасывался на дом, как зверь, даже стекла в окнах дребезжали. Как там сейчас Зыбин на кладбище? Нет, в такую погоду он вряд ли соизволит копать, при всем своем уме и прочих талантах Виссарион Фомич весьма ленив. И все же завтра с утра она поедет к нему! Только вот все ей не спалось, а ночь – это время, которое проходит незаметно, только когда спишь.

– Элиза?! – вырвалось у Виктора.

Безусловно, она услышала его возглас, однако не остановилась, не оглянулась, а продолжала идти в прежнем темпе

вдоль улицы, и стук ее каблучков разносил, рассеивал ветер. Виктор с трудом пришел в себя; ему захотелось посмотреть на ее лицо еще разок, ведь не исключено, что он просто обознался. Князь нагнал девушку быстро, опередил ее и обернулся.

– Элиза!!! – вновь вскрикнул Виктор потерянным голосом.

Поскольку он загородил ей дорогу, Элиза вынужденно остановилась и, глядя исподлобья на князя, хмуро произнесла:

– Дайте мне пройти.

– Элиза... Это невозможно! Тебя ведь больше нет!!!

– Уйдите!

– Стой, стой, Элиза! – не дал ей обойти себя Виктор, вновь загородив девушке дорогу. – Скажи мне, это ты?! – Она сделала новую попытку обойти его, но Виктор схватил ее за плечи. – Нет, ты не уйдешь! Сначала ты объяснишь мне, что все это значит!

– Как вы смеете! Я вас не знаю!

Элиза ударила его по щеке, но Виктор пребывал в состоянии такого потрясения, что ударь она его хоть палкой, да хоть пудовым молотом, вряд ли он это почувствовал бы. Князь только сильнее сжал плечи девушки и все вглядывался в ее лицо, не веря своим глазам...

Дуняша резко затянула шнурки на корсете, и Марго

невольно ойкнула.

– Прошу прощения, – пролепетала девушка.

– Да уж потерплю... Кто только придумал эти корсеты?! Явно мужчина, чтобы женщины мучились ежесекундно. Их сиятельства уже проснулись?

– У нас так рано господа не встают, одна прислуга.

– Какая жалость, а мне надобно ехать! Что ж, выпью чаю и поеду. Подай платье. – Кажется, настала пора коснуться темы, ради прояснения которой Марго и осталась здесь на ночь. – Скажи, Дуняша, ты скучаешь по Элизе?

– А то, – вздохнула девушка, помогая ей надеть траурное платье. – Элиза Алексеевна были добрая! Поверить не могу, что их не стало.

– Послушай... – Марго повернулась к ней лицом. – А то, что рассказывали нянька и сторож, будто Элиза приходила в дом...

– Ежели то не враки, страх-то какой! – перекрестилась Дуняшка. – Я теперь, как свечереет, одна и шагу лишнего боюсь ступить.

– Полно тебе, глупая. Сама говорила – Элиза доброй барышней была, отчего же ее надо бояться?

– Так ведь покойница!

– Не бойся, кто плохого не сделал Элизе, тому бояться нечего, а вот кто ей навредил... – Марго умело подогривала суеверные страхи в душе у Дуняши: у той глаза стали совсем круглыми, брови сложились домиком. – Думаю, мается она

в своей загробной жизни, потому и ходит, обидчика своего ищет.

– Неужто правда?! – обомлела Дуняша. – Так ведь в доме ее никто не обижал, все барышню нашу любили...

– Стало быть, есть и те, кто ее обижал вне дома? Ты знаешь, кто это?

От пронизательной Марго не ускользнуло, что девушка замялась, оттого и потупилась – лгать она явно не умела, глядя прямо в лицо ее сиятельства.

– Отчего не хочешь мне сказать? – с ласковыми интонациями спросила графиня. – Я же вижу, ты знаешь...

– А как барышня на меня рассердится и станут по ночам ко мне приходиться? Я ж умру на месте!

– Глупая! Обида, нанесенная ей при жизни, – вот что ее тревожит после смерти! – В находчивости Марго было не отказать. – А сейчас она не слышит нас. Ну говори же! Возможно, Элиза и умерла-то от нанесенной ей обиды.

– Насчет обид мне неведомо, но барышня страдали-с очень...

– Страдала? Из-за чего?

– Любовь с ними приключилась, – шепнула горничная.

– Любовь?! – О, как это щемящее чувство было знакомо Марго, оно действительно приносит страдания, когда нет рядом с тобою того, кого ты любишь. – Но за Элизой был присмотр, одну ее не отпускали из дому.

– А вы будто не знаете, что лазейку завсегда можно отыс-

кать, коль душа на волю рвется?

– Она убежала из дому на свидания?

– Убегали-с, – опустила голову Дуняша. Ну уж тут все яснее ясного!

– А ты помогала ей, не так ли? – Девушка еще ниже опустила голову. – Отчего же она так страдала? Судя по тому, что Элиза бегала на свидания, любовь у нее была взаимной.

– Так, да не так! Поначалу барышня расцвели, а потом все тухли, тухли... Плакали часто. Однажды попросили меня отнести записку князю Виктóру, а опосля мы с нею отправились к нему на свидание, а домашним сказали – за покупками, мол, идем. Барышня просили князя Виктóра разорвать ихнюю помолвку, а он отказался.

– Даже до этого дошло?! Немудрено, что Виктóр отказался, приданое за Элизой было обещано завидное... Но кто же он, тот, кого она полюбила? Как его имя?

– Не знаю-с...

Лицо Марго стало строгим, не терпящим лжи, и Дуняше пришлось с жаром доказывать, что она честна с графиней:

– Христом Богом клянусь, не знаю я! Ни разу не видала его. Бывало, я записки от барышни носила в трактир, что на Полежаевской...

– В эдакое скверное место? – изумилась Марго.

– Отдавала их половому по имени Оська, а он, ежели было что для барышни, мне письмецо вручал. Вот и все!

– Ну-ка, честно мне ответь: ты на их свидания тоже ездил-

ла?

– Ездил, – призналась Дуняша со слезой в голосе. – Я в карете оставалась, а барышня в другую карету пересаживались. Вы уж не говорите никому...

– Не скажу, не скажу, не бойся, – заверила ее Марго. – А на той карете, в которую садилась Элиза, были какие-нибудь знаки, вензеля, украшения?

– Не было ничего. Нешто вы думаете, меня любопытство не разбирало? Я и так и эдак присматривалась, нарочно выходила и близехонько так к карете ихней гуляла, но не видала, кто с ними там был, с барышней Элизой.

Теперь Марго требовалось обдумать эти новости; их было немало, и важно было не упустить какие-то мелочи, все запомнить. Ко всему прочему, девушку требовалось сделать своей добровольной сообщницей, следовательно, не напирать на нее сильно, иначе она замкнется. Дуняша должна видеть в мотивах действий Марго родственную доброжелательность и обеспокоенность, а не любопытство женщины, обожающей сплетни, тогда девушка раскроется и станет ей помогать.

– Поди, Дуняша, – сказала мягко графиня, – прикажи запрягать лошадей, а я покуда чаю изопью...

Виссарион Фомич, будучи в скверном настроении, вызвал сыщиков, а тут и ее сиятельство пожаловали-с. Не заставляй же ждать столь значимую особу! И он выгнал сыщиков вон,

сел, скрестил руки, локти уложил на стол, нахохлился...

– Доброе утро, Виссарион Фомич.

– Мое почтение, – пробубнил он, почти не раскрывая рта.

– Что я вижу – вы не в духе?

Марго неплохо уже изучила характер Зыбина, что говорило о ее наблюдательности и уме, а умная женщина, по мнению Зыбина, – это сущее наказание!

– Как почивали? – пробурчал он дежурную «любезность» таким тоном, будто спросил: «Отчего вы не умерли во сне?»

– Худо, сударь. – Она присела на стул, своим внешним видом вовсе не соответствуя определению «худо», так как была она свежа и блистала молодостью, тем вызывая невольную зависть даже у него, у старика Зыбина. – Что скажете? Вчера так лютовал ветер, впрочем, и сегодня он не утих. Я переживала за вас! Вы провели... раскопки?

– Провел, провел, – громко засопел он.

– А что такое? – насторожилась Марго. – Вы не удовлетворены?

– Совершенно не удовлетворен-с! М-да.

– Что же вас так расстроило, Виссарион Фомич? – продолжала допытываться любознательная графиня.

Зыбин весь раздулся от изрядного недовольства, его нижняя губа уже буквально касалась подбородка, лохматые брови словно бы срослись в один пучок, он взирал на поверхность стола, будто и не услышал вопроса графини. Марго догадалась: он не хочет ей ничего говорить, значит, случилось

нечто непредвиденное.

– Ежели вы боитесь... – вкрадчиво начала она.

– Боюсь, – с вызовом сказал он. – Боюсь разглашения тайны!

Чтобы она поддалась глупому чувству обиды и ушла, вновь только-только соприкоснувшись с сею загадкой? Никогда!

– По-моему, я не давала вам повода не доверять мне! – дерзко проговорила Марго: пора уж и на место поставить этого упрянца. – Какие же между нами могут быть тайны? Разве я не была вам верной помощницей, когда вы искали Камелию?

Зыбин терпеть не мог баб – пардон, дам! – вмешивающихся в мужские дела. Он полагал, что уже натешилась графинька следствием в прошлый раз, и довольно с нее, теперь она займется своими булавками да шляпками. Но затруднение состояло в том, что Зыбин прекрасно понимал: и в этом случае без помощи Маргариты Аристарховны ему будет крайне трудно во всей этой чертовщине разобраться. Это его злило. От ощущения своего бессилия и в сердцах Виссарион Фомич гулко ударил своими пальцами-обрубками по столу, прорывав:

– Подсуропили же вы мне дельце, сударыня! Худшего на моей памяти я и не припомню-с!

– Да что же случилось, господи?! – захлопала ресницами Марго. – Не пугайте меня! Вы нашли то, что искали?

– Не нашел-с!

– Как это понимать? – Она ожидала всего, чего угодно, но не...

– В гробу ваша покойница... не покоилась! – рявкнул он.

Марго непроизвольно ахнула. После таких новостей люди, бывает, и чувств лишаются, особенно женщины, но графиня Ростовцева была отнюдь не экзальтированной особой. Именно крепость и сила ее характера, достойная мужчины, вызывала в Зыбине уважение к ней, которое он тщательно от Марго скрывал. Но менять свои привычки, становиться сладеньким «галантом» и щелкать каблуками перед светской штучкой – это не для него! Раз уж сия мадама ввязывается в то, что приличной даме совершенно не придет на ум, пусть и терпит – чем она лучше других?

– То есть... ее там не было? – уточнила Марго, не понимая смысла его слов. – А... простите, куда же Элиза подевалась?

– И мне хотелось бы сие знать, ох как хотелось бы!

– То есть... вы вскрыли пустой гроб?! – никак не могла поверить она.

– Все так, в точности, сударыня! Однако не совсем уж гроб был пуст: там лежали подушка, флердоранж, покрывало, но отнюдь не тело вашей родственницы. Да-с!

– Я была на ее похоронах...

– Знаю, знаю, – махнул он рукой. Заметив неестественную бледность графини, Виссарион Фомич пожалел ее: – Водички вам налить?

– Пожалуй...

Зыбин наполнил стакан водой из графина. Пришлось ему встать из-за стола и поднести стакан ее сиятельству. Она отпила несколько глотков, стакан ему не вернула, опустила его на колени и задумалась.

– Творится нечто весьма невероятное, сударыня, – расхаживая по кабинету и заложив руки за спину, принялся рассуждать Зыбин. – Покойникам надлежит лежать в гробах, а они их покидают! Да-с, покидают! А скажите мне, каким образом они покидают свои гробы, крепко забитые гвоздями?! Как они выбираются из-под толщи земли? Не знаете-с? Вот и я не знаю! Чепуху эту про призраков, мистику и прочую чертовщину я не признаю, стало быть, это что ж такое?!

– И что же? – подала робкий голос Марго.

– Узнаю! Выведаю! – прорычал вторично Зыбин, не имея в запасе каких-либо вразумительных объяснений. – Поверьте, мадам, я все узнаю. И тогда... – потряс он кулаком в воздухе, а кулачок у него был – дай бог каждому! – Всех этих призраков с привидениями в острог засажу! В кандалы их закую, чтоб другим неповадно было-с!

– А сейчас что вы намерены делать?

– Могилу надобно раскопать, – с достоинством ответил он. – Сегодня же.

– Могилу? Еще одну?! Чью же?

– Господина Загурского.

Пропустить вторично сей знаменательный миг, когда у

нее появилась возможность самой заглянуть в гроб исчезнувшего трупа?! Зыбину не удастся в этот раз оставить ее в городе, чтобы она мучилась неизвестностью до следующего утра! Марго так и подскочила – главное, не дать ему слова вставить:

– Голубчик, Виссарион Фомич, возьмите меня с собой! Я вам не помешаю, посижу в сторонке, в карете... Кста-ти! А как вы собираетесь добираться до имения Загурских? Неужто в коляске? Так ведь сейчас холодно, вам будет неудобно, весна нынче отнюдь не радует нас теплом. А если еще и дождь примется? Почту за честь сопровождать вас в моей карете! И потом, Виссарион Фомич, дело это – такое загадочное, такое необычное, к тому же оно вновь касается гранями своими сфер высшего света! Я вам пригожусь, вы ведь помните, что от меня-то уж побольше вам пользы бывало, чем от ваших дураков-сыщиков! Да и что вы там найдете? Пустой гроб? Я уверена: Загурского в его могиле не окажется, как и Элизы! В котором часу мы выезжаем?

Ну и скорчил же он в ответ на ее пламенную речь физиономию – смех, да и только! Губы расквасил, в глазах – тоска, брови – скорбные, а бакенбарды... страшнее этих бакенбард его лишь полное облысение! И выговорил обреченным таким тоном, словно ему предстояло самолично в кандалы заковаться:

– Вечеру-с. Часов в пять, чтоб засветло прибыть на место.

– Буду! Обязательно буду! Благодарю вас, Виссарион Фомич, вы так милы! Прощайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.